

Глава 2. Рабочее определение комитатива

2.1. ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой любого типологического исследования должно служить определение изучаемого явления, пригодное для применения к фактам языков различного строя. Рабочее определение, предложенное в конце настоящей главы, основано на сочетании семантических и формальных критериев.

Разнообразие контекстов, в которых употребляются показатели, традиционно относимые к комитативным, побуждает ввести разграничение комитатива в узком смысле (= собственно комитатива) и в широком смысле (2.2.1).

Важно, что для целей адекватного межъязыкового сопоставления в расчет должен приниматься не отдельный комитативный показатель как таковой и даже не показатель в сочетании с именной группой или предикатом, к которому он присоединяется, а в целом комитативная конструкция, включающая вершинный предикат, комитативную (= «периферийную») группу и «центральную» именную группу, являющуюся «контролером» комитатива (2.2.2).

В дальнейшем при разработке определения наше внимание будет сфокусировано на собственно комитативных конструкциях.

Немногие существующие определения относят комитатив к числу семантических ролей и/или апеллируют к таким семантическим признакам, как «совместность» или «сопровождение». Мы начнем с анализа некоторых из этих определений (2.3). В частности, рассматривается возможность определения комитатива как некоторой конкретной семантической роли. Будет показано, что комитатив не соответствует никакой фиксированной роли: участник ситуации, маркированный комитативом, имеет одинаковую семантическую роль с одним из остальных участников.

Понятие совместности также часто привлекается при попытках определения комитатива. Обнаруживается, однако, что эти две категории ортогональны: возможна как комитативная конструкция без признака совместности, так и совместность в отсутствие комитативной конструкции, что исключает использование понятия совместности как признака комитатива (2.4). То же можно сказать и о «конкурирующем» понятии сопровождения.

Наконец, будут рассмотрены возможные применения термина «второстепенность» при описании комитативных конструкций (2.5). Представляется, что комитативный участник может быть назван второстепенным только в отношении коммуникативного компонента семантики, поскольку в отношении пропозициональной семантики он, в общем случае, заведомо равноправен с одним из участников ситуации.

Предлагаемое определение комитативной конструкции (КК) основывается на понятии множественного участника и на параметре синтаксического ранга именных групп (2.6). Выделяются также подмножество КК — прототипические комитативные конструкции, которые с наибольшей вероятностью можно обнаружить в произвольном языке.

2.2. УТОЧНЕНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

2.2.1. Комитатив в узком и в широком смысле

Знакомясь с различными употреблениями тех показателей, которые в сравнительно хорошо изученных языках принято относить к комитативным, можно обнаружить, что

эти употребления распадаются на несколько типов. При этом не каждый комитативный показатель встречается в каждом типе употреблений.

Здесь и далее в настоящей работе понятия «употребление» и «функция» тесно связаны друг с другом. Предполагается, что функция языкового знака определяет контексты, в которых он может употребляться. Поэтому приблизительно равнозначными являются следующие выражения: «Показатель X имеет функцию Y», «Показатель X употребляется в функции Y», «Показатель X имеет употребления типа Y».

Рассмотрим следующие примеры:

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ	[собс.]
(2.1) <u>Мать</u> пошла [с бабушкой] на рынок.	А
(2.2) [Мать с бабушкой] пошли на рынок.	Б
(2.3) [Мы _{i+j} с бабушкой _j] пошли на рынок.	В
(2.4) Дверь открыл [слуга с пышными бакенбардами].	Г
(2.5) <u>Петя</u> пришел к нам в гости [с альбомом новых фотографий].	Д
баскский (изолят, Европа)	[собс.]
(2.6) ama merkatu-ra joan da amona- rekin мама рынок-LAT уходить AUX.3SG бабушка-COM <i>Мама пошла с бабушкой на рынок.</i>	А
(2.7) *[ama amona- rekin] merkatu-ra joan dira мама бабушка-COM рынок-LAT уходить AUX.3PL <i>Мама с бабушкой пошли на рынок.</i>	*Б
(2.8) *[gu amona- rekin] merkatu-ra joan dira мы бабушка-COM рынок-LAT уходить AUX.3PL <i>Мы с бабушкой пошли на рынок.</i>	*В
(2.9) [bizar {*zuri-ko *zuri-(a-r) ekin } gizon ingeles bat] борода белый-ATR белый-(DET)-COM мужчина английский DET ze-go-en lama-ri begira PST.3SG-находиться-PST лама-DAT глядя <i>На ламу смотрел (какой-то) англичанин с седой бородой.</i>	*Г
(2.10) aita terraza-n eseri-ta dago egunkaria- rekin отец терраса-LOC садиться-PART находиться.3SG газета-COM <i>Отец сидит с газетой на террасе.</i>	Д
английский < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ	[Walmsley 1971: (69)]
(2.11) Harry went to the station with Jim. <i>Гарри отправился на станцию с Джимом.</i>	А
(2.12) *[Harry with Jim] are going to the station. <i>Гарри с Джимом идут на станцию.</i>	[собс.] *Б
(2.13) *[We with Jim] are going to the station. <i>Гарри с Джимом идут на станцию.</i>	[собс.] *В

- (2.14) ... suddenly [a White Rabbit **with** pink eyes] ran close by her. [Carroll] Г
 ...вдруг мимо нее пробежал Белый Кролик с розовыми глазами.
- (2.15) Both shots show the man seated in the station with his newspaper. Д
 На обоих кадрах изображен человек, сидящий на станции с газетой.

Разумеется, в этих примерах представлены далеко не все типы употреблений комитативных маркеров. Более обстоятельный анализ формальных типов употреблений содержится в разделе 3.4, семантических типов — в Главе 5.

Тем не менее, рассматривая приведенные примеры как небольшую иллюстрацию, можно обнаружить в них некоторые закономерности.

Первый тип употреблений (А) встречается у всех приведенных показателей. Вот некоторые его отличительные свойства (на материале данных примеров):

- ИГ, маркированная комитативом (= комитативная группа), обозначает некоторого участника ситуации, обозначенной предикатом;
- этот участник (= Спутник) имеет в ситуации ту же роль (участвует в ней тем же образом), что и некоторый другой участник (назовем его Ориентиром). Напр. во фразе (2.1) Ориентир — *мать*;
- участник-Спутник в ситуации необязателен: если комитативную группу опустить, ситуация останется прежней, в частности, не потребует изменения называющего ее предиката (*Мать пошла на рынок*);
- пропозициональное содержание предложения не меняется при перестановке ИГ, выражающей Ориентир (=центральной ИГ) и комитативной группы (*Бабушка пошла с матерью на рынок*) или, с точностью до референции, при замене их обеих на местоимение с покрывающей референцией (*Они пошли на рынок*).
- комитативная группа может быть расположена разрывно с центральной ИГ;
- в случае, если центральная ИГ находится в позиции, контролирующей глагольное согласование, глагол согласуется с ней одной (не «по сумме» центральной ИГ и комитативной группы).

Именно употребления типа А я считаю комитативом в узком смысле, или собственно комитативом.

Хотя существующие определения комитатива не отражают полностью специфику этого типа, приводимые их авторами примеры обычно иллюстрируют именно его (см. 2.3).

Определяющей особенностью собственно комитатива является то, что одна семантическая роль выражается в нем двумя независимыми именными группами с различным синтаксическим рангом.

В дальнейшем мы будем называть комитативными маркерами (показателями) те и только те маркеры, которые могут употребляться в контекстах типа А, т. е. в собственно комитативной функции.

Отличия других типов употреблений

Тип Б, представленный в русском языке, отличается синтаксическими свойствами: центральная ИГ и комитативная группа образуют единую составляющую, которая не допускает разрыва и требует согласования глагола «по сумме». Такие употребления комитатива мы будем далее называть сочинительным комитативом (см. подробнее § 4.2).

Тип В проявляет сходные синтаксические свойства с типом Б, но имеет особую референциальную структуру: референт местоимения (*мы*) включает референт комитативной

группы. Такие конструкции, вслед за М. А. Даниэлем [2000], я называю конструкциями с поглощением референта. В этом типе перестановка недопустима.

Тип Г, представленный в русском и английском языках, существенно отличается от предыдущих. Синтаксически комитативная группа является здесь не аргументом глагола, а определением в именной группе. Следовательно, обозначаемая ею сущность не является участником описываемой ситуации; соответственно, невозможна перестановка и замена на местоимение множественного числа. В баскском такое употребление комитативного показателя невозможно; чаще всего именная группа в позиции определения маркируется атрибутивизатором *-ko*.

Тип Д является в некоторой степени промежуточным между типами А и Г: занимая синтаксическую позицию обстоятельства, комитативная группа характеризует не ситуацию, а участника-Ориентир. Здесь также не идет речь об участии Спутника в ситуации, выраженной предикатом (ср. **альбом пришел к нам в гости*, **газета сидит на террасе*). Как следствие, перестановка и замена на местоимение множественного числа невозможны.

В конечном счете, каждый из упомянутых (и еще не упомянутых) типов употреблений бесспорно заслуживает отдельного изучения. Важно, что (i) в разных языках комитативные маркеры, помимо типа А, имеют различный спектр типов употреблений; (ii) большинство типов обнаруживаются в генетически не связанных языках различных ареалов, что доказывает неслучайность их связи с комитативом в узком смысле.

Комитативом в широком смысле мы будем называть совокупность всех типов употреблений, которые встречаются у комитативных маркеров, включая собственно комитативные употребления.

Так, в конкретном языке L комитатив в широком смысле охватывает все употребления тех показателей данного языка, которые могут выражать собственно комитатив. В типологическом исследовании в комитатив в широком смысле должны включаться все типы употреблений, которые более или менее регулярно встречаются в различных языках мира (можно, например, установить произвольный порог в два генетически и ареально не связанных языка).

Например, для русского языка в комитатив в широком смысле входят типы А–Д, для баскского — А и Д; на приведенном выше материале из трех языков можно сделать вывод, что для типологии комитатива релевантны по крайней мере типы А, Г и Д (привлечение более широкого материала убеждает в необходимости исследовать все типы А–Д).

2.2.2. Комитативная конструкция

При описании комитативных показателей некоторые авторы ограничиваются примерами именных групп, несущих показатель комитатива.

Например, в грамматике языка инга (< КЕЧУА) [Levinsohn 1976] примеры на показатель *-hua*, обозначающий «сопровождение» (accompaniment), сводятся к нескольким отдельным словоформам, напр. *mamita-hua* ‘с мамочкой’, *Santiago-manda-hua* [Сантьяго-АВЛ-СОМ] ‘с тем, (который) из Сантьяго’ и т. п. К сожалению, из таких описаний мы получаем слишком мало информации, чтобы судить о функциях интересующих нас показателей.

Т. Штольц [Stolz 1996а и др.] усматривает в предложениях с комитативом две предикации: первая соответствует главному предикату, вторая — комитативному маркеру (т. е. *Мать пошла с бабушкой на рынок* => ‘мать пошла на рынок’ & ‘мать с бабушкой’). Однако в числе «элементарных компонентов комитативной ситуации» он называет

только Сопровождаемого, Релятор (т. е. комитативный маркер) и Спутник (см. 1.4.1.1), т. е. главная предикация из рассмотрения исключается.

Между тем оказывается, что для полноценного анализа функционирования комитативных показателей совершенно необходимо учитывать более широкий контекст, включая и главный предикат. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью различения «припредикатных» и «приименных» употреблений комитативных показателей (ср. типы употребления А, Д vs. Б, В, Г в предыдущем разделе). С другой стороны, существует немало языков, в которых маркер комитатива присоединяется не к именной группе, а к самому вершинному предикату — в таком случае говорят о вершинном маркировании комитатива (см. § 3.2). Наконец, что не менее важно, свойства показателя комитатива существенным образом коррелируют с его сочетаемостью — с типами участников (Ориентира и Спутника), а также с типом вершинного предиката.

Ввиду сказанного предлагается в качестве основного объекта настоящего исследования принять комитативную конструкцию (в узком смысле), образуемую следующими элементами: (i) предикатом П, (ii)–(iii) двумя именными группами, которые синтаксически подчиняются предикату П, и (iv) показателем комитатива. Более строгое определение будет дано в конце данной главы.

В случае, если тот же самый показатель имеет употребления, отличные от собственно комитативных, мы будем говорить о комитативных конструкциях в широком смысле, или о формально комитативных конструкциях. Они могут отличаться от собственно комитативных конструкций составом элементов и/или связями между ними (подробнее см. § 3.4 и Главу 5).

Совершенно ясно, что источником информации о комитативных конструкциях должны быть примеры, состоящие не менее чем из элементарного предложения (клаузы), что накладывает некоторые ограничения на доступный материал.

2.3. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОМИТАТИВА

2.3.1. О категориальной принадлежности комитатива

Приступая к определению комитатива, следует прежде всего решить, к какой категории, к какому классу объектов он принадлежит. Несомненно, комитатив затрагивает область предикатно-аргументных отношений. В европейских языках, на материале которых основывалась лингвистическая традиция, ярлык ‘комитатив’ связан с определенными падежами и/или предлогами/послелогами. Вполне закономерно поэтому, что комитатив традиционно рассматривается как один из видов падежных отношений, один из возможных элементов грамматической категории падежа.

Небольшой, но емкий обзор основных понятий и проблем, связанных с категорией падежа, см. в [Плунгян 2000: 161–184]; ниже на базе этого обзора будут сформулированы основные идеи, важные для дальнейшего изложения. Напомним, что «падежные граммы [...] оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса», однако «помимо самого факта синтаксической зависимости имени разные падежные граммы различают *типы* этой зависимости» [Плунгян 2000: 163–164].

Семантические типы зависимости, различаемые в языках с помощью падежей, принято описывать в терминах семантических ролей участников ситуации.

2.3.2. Комитатив, падежи и семантические роли

2.3.2.1. Семантические роли

Понятие семантической роли было введено в современную лингвистику во второй половине 1960-х годов. До этого момента основным инструментом описания аргументной структуры предикатов являлось восходящее к Л. Теньеру [Tesnière 1959] понятие актантов.

Актантами называются важнейшие участники ситуации (аргументы предикатов), которые составляют ее неотъемлемую характеристику и отличают от других типов ситуаций (предикатов). Актанты часто имеют идиоматичное выражение.

Остальные, менее существенные аргументы предиката называются сирконстантами. Сирконстанты обычно имеют более свободную, чем актанты, сочетаемость с различными предикатами, и более регулярное (неидиоматичное) выражение. По числу актантов предикаты делятся на одноактантные, двухактантные и т. д. Основная масса предикатов в естественных языках имеет один-два актанта, реже три. (О проблемах разделения аргументов на актанты и сирконстанты см. 3.4.3.7).

В работах Джеффри Грубера [Gruber 1965/1976] и Чарльза Филлмора [Fillmore 1968] было впервые предложено при описании аргументной структуры предикатов учитывать не только количество аргументов, но и их семантическое содержание. С появлением концепта семантической роли («тематическое отношение» [thematical relation] у Грубера, «глубинный падеж» [deep case] у Филлмора) большинство грамматических теорий, в том числе современные версии порождающей грамматики Н. Хомского, стало включать в том или ином виде систему описания семантики предикатно-аргументных отношений. Семантическая роль¹ аргумента при данном предикате является обобщением свойств участников определенной группы ситуаций. Так, в предложениях *Боб отнял у Ноба кошелек*; *Рольф ударил Джима*; *Том убежал из дома* роли *Боба*, *Рольфа* и *Тома* обычно описываются как Агенс (активный, наделенный волей участник, инициирующий ситуацию, контролирующий ее и несущий за нее ответственность), роли *кошелька* и *Джима* — как Пациенс (неактивный, не наделенный волей, не контролирующей ситуацию участник, который в наибольшей степени претерпевает изменения в результате ситуации), роль *дома* — как Источник (исходный пункт движения), и т. д. Совокупность семантических ролей актантов данного предиката составляют его падежную рамку [case frame] (или, в терминологии порождающей грамматики, «тета-решетку» [theta-grid]). Например, глаголу *отнять* может быть приписана трехместная падежная рамка <Агенс (кто), Пациенс (что), Бенефактив (у кого)>, а глаголу *упасть* — одноместная рамка <Пациенс (что)>.

Если сама идея о необходимости различения ролей аргументов в грамматической теории по большому счету не дискутируется, то предлагаемые разными исследователями перечни ролей различаются самым разительным образом. Количество выделяемых семантических ролей варьирует от трех в локалистской гипотезе Дж. Андерсона [Anderson 1971], в которой все роли объявляются производными от трех пространственно-мотивированных ролей (Источник, Место и Цель), до практически открытого списка в грамматике HPSG² [Pollard and Sag 1994], где каждый глагол приписывает своим аргументам особые, только ему присущие роли. Например, глагол *видеть* имеет аргументы типа «видящий» и «видимый», а *любить* — типа «любящий» и «любимый». Тремя тематическими отношениями (Агенс, Тема, Место) ограничивается также Скотт ДеЛэнси [DeLancey 1991].

¹ Используются также термины “thematic roles” (тематические роли) и “theta-roles” (тета-роли).

² HPSG = Head-driven Phrase Structure Grammar, «Грамматика фразовой структуры, ориентированная на вершины».

Как видно, в различных подходах меняется не только количество, но и содержание семантических ролей. Можно сказать, что типичный «джентльменский набор» содержит один-два десятка ролевых отношений.

Очевидно, что используемый инвентарь семантических ролей определяется прежде всего задачами, которые ставит перед собой исследователь. Если в фокусе его внимания находится синтаксис, возможна более высокая степень обобщения и меньшее количество ролей. Для исследований лексической семантики может потребоваться различение более тонких нюансов и большее количество ролей. В рамках многоплановой теории языка, объединяющей семантику и синтаксис, могут быть использованы сразу несколько уровней обобщения. Так, один из создателей референциально-ролевой грамматики (Role and Reference Grammar) Р. Ван Валин [Van Valin 1994; 2004] выделяет три уровня семантических отношений: роли, задаваемые конкретным глаголом («бьющий», «видящий», «любящий», «покупающий»), тематические отношения (Агенс, Пациенс, Экспириенцер, Стимул), и — максимально обобщенные — семантические макророли (в теории референциально-ролевой грамматики их ровно две, Актор [Actor] и Претерпевающий [Undergoer]); допускаются и промежуточные ступени обобщения. При этом роли нижнего уровня непосредственно связаны с лексической семантикой предикатов, а макророли — с грамматическими правилами приписывания синтаксических отношений (подлежащее, прямое дополнение и т. д.).

2.3.2.2. *Инвентарь падежей*

Описанные выше семантические роли «выражаются в падежных системах языков мира с разной степенью дробности, но, как правило, каждой такой роли (или группе близких ролей) в какой-то из падежных систем соответствует свой особый падеж. Разумеется, функции двух падежных граммем, даже выражающих одинаковые семантические роли, в двух разных языках могут не совпадать (и, как правило, не совпадают) за счет различия в других (не центральных) употреблениях этой граммемы [...]; но при сравнении падежных систем (и при выборе названия падежа) принято ориентироваться на центральную функцию падежа» [Плунгян 2000: 167].

Различают синтаксические и семантические падежи [Мельчук 1998: 325]. Синтаксические падежи (к ним обычно относятся номинатив, аккузатив, эргатив, аффектив) «выражают только синтаксические роли существительного» [там же: 325]. Они призваны различать ядерные синтаксические актанты предиката, т. е. в первую очередь актанты в ролях Агенса и Пациенса, Экспириенцера и Стимула. Распределение средств выражения между этими ролями более всего подвержено влиянию синтаксиса, и разные языки здесь используют различные стратегии. Подробному анализу языковых возможностей в этой сфере посвящены работы [Кибрик 1992: 198–218; Кибрик 1997/2003; Кибрик 2003: 109–132].

Упомянем представленную в индоевропейских языках аккузативную стратегию, противопоставляющую Пациенс двухместного глагола (выражаемый аккузативом) гиперроли Принципала (объединяет Агенса двухместного глагола и единственного актанта одноместного глагола), которая выражаются номинативом. Ей противостоит эргативная стратегия, в рамках которой особым эргативным падежом выражается Агенс двухместного глагола, а единственный актант одноместного глагола и Пациенс двухместного (= гиперроль Абсолютива) объединяются под формой номинатива (абсолютива). Во многих эргативных языках имеется специальный падеж (аффектив) для выражения роли Экспириенцера. Другие возможности, которые мы не будем здесь разбирать, представляют активная, трехчленная и нейтральная стратегии.

Семантические падежи ориентированы на различение семантических отношений между именем и предикатом: «если, кроме синтаксических ролей, падеж способен выра-

жать некий смысл, то он относится к классу семантических падежей» [Мельчук 1998: 325]. Дативом называют обычно падеж, выражающий роль Реципиента (а с ней, возможно, и роли Адресата и Бенефактива). Инструменталисом — падеж, выражающий прежде всего роль Инструмента (а кроме того, возможно, Средства, Образа действия и др.).

Не считая упомянутого деления падежей на синтаксические и семантические, в особую субпарадигму имеет смысл выделять падежи, склонные выражать зависимость имени не от предиката, а от другого имени (С. А. Крылов, личное сообщение). Произвольно выбранный падеж в произвольном языке может совмещать обе функции, припредикатную и приименную (обычно все же отдавая предпочтение одной из них); так, в русском языке генитив чаще оформляет приименную зависимость (*дом директора*), но участвует и в оформлении аргументов некоторых глаголов (*бояться грозы*). Другие падежи употребляются только при предикатах (так ведут себя многие синтаксические падежи, например, русские номинатив и аккузатив; не подчиняются имени большинство падежей в баскском языке, кроме генитива) или только при именах (монгольский атрибутив, генитив, комитатив [Крылов 2002]).

Среди приименных падежей тоже можно выделить более «синтаксический» падеж, склонный к выражению любой отыменной зависимости независимо от ее содержания (обычно — генитив), и падежи, более специализированные семантически. В число последних наряду с посессивом и бенефактивом может попадать и комитатив. Следует, однако, иметь в виду, что функция выражения приименной зависимости является самостоятельной функцией, отдельной от «припредикатной»; здесь мы встречаем особую ипостась комитатива, которая в принципе может служить предметом самостоятельного исследования.

2.3.2.3. Место комитатива среди падежей

Комитатив относят к семантическим падежам, причем обычно к периферийным [Плунгян 2000: 170]. Таким образом, считается, что комитатив выражает определенную «комитативную» семантическую роль.

Если принять предпосылку, что комитатив является обычным семантическим падежом, представляющим определенную семантическую роль (в одном ряду с ролями Адресата, Темы, Экспериенцера, Места и т. д.), то возникает необходимость описать характерный для комитатива способ участия некоторого партиципанта в некоторой ситуации. На этом пути авторам определений приходится прибегать к трем основным понятиям; это понятия совместности, сопровождения и второстепенности.

В частности, весьма распространенное определение комитатива из глоссария лингвистических терминов SIL (далее **ОпрSIL**) звучит следующим образом: «*Comitative case is a case expressing accompaniment*»¹ («Комитативный падеж — это падеж, выражающий сопровождение»).

В. В. Виноградов при анализе грамматических отношений, выражаемых русскими предлогами, толкует «комитативные отношения» как «обозначающие сопровождение, совместность, соучастие» [Виноградов 1947: 686].

2.3.3. Три определения

Приведу еще три определения (выше см. ОпрSIL). Два из них взяты из лингвистических энциклопедий, отечественной и зарубежной (ОпрЛЭС принадлежит Т. В. Булыгиной и С. А. Крылову, ОпрELL — Дж. Андерсону), третье (ОпрКОМ) взято

¹ {<http://www.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/Index.htm>}; чтобы убедиться в распространенности этого определения, достаточно произвести в Интернете поиск по словам *comitative accompaniment*.

из «Курса общей морфологии» И. А. Мельчука. Для сравнения приведены определения инструменталиса из тех же источников.

ОпрЛЭС: [ЛЭС 1990: 356], статья «Падеж»

«Роль орудия, инструмента, используемого агенсом для воздействия на другой предмет, выражается инструменталисом, или творительным падежом; ср. «*Что написано пером, того не вырубишь топором*»; инструменталис нередко выражает также роли агенса в пассивных конструкциях (ср. «*человек, обуреваемый страстями*») и имущества в «наделительных» конструкциях (с глаголами «снабжать», «наградить», «кормить» и т. п.; ср. «*Соловья баснями не кормят*»).

Роль сопроводителя, т. е. лица, выполняющего какое-л. действие совместно с агенсом, выражается комитативом, или социативом (напр., в финском, баскском и др.; ср. фин. *Naapurimme tuli vaimo-inensa ja laps-inensa* ‘*Наш сосед пришел с женой и детьми /или: с женой и ребенком*’); в ряде языков функцию комитатива берет на себя инструменталис (ср. ведийское *devó devébhír á gamat* ‘*Пусть бог придет с богами*’).

ОпрELL: [Anderson 1994: 453], статья «Case»

«Термин ‘инструменталис’ обычно применяется к падежной форме, обозначающей инструмент или орудие, или (в более абстрактном смысле) способ или путь, посредством которого производится действие».

финский < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ

(2.16) Naë-n sen omi-n silmi-n
вижу-я это+ACC собств.+INS глаза+INS

Я вижу это собственными глазами.

«‘Комитатив’ обычно обозначает одушевленного [участника] (в типичном случае человека), который представляется сопровождающим участие в предикации некоторого более непосредственно вовлеченного участника».¹

финский < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ

(2.17) Lähde-n lapsi-ne-ni
иду-я дети-СОМ-POSS.1SG

Я иду с ребенком / с детьми.

ОпрКОМ: [Мельчук 1998: 336, 338]

«‘инструменталис’ [творительный]: маркирует обстоятельство инструмента или средства; другие возможные роли: агентивное дополнение в пассивной конструкции; подлежащее в эргативной конструкции (алюторский язык); предикативное (присвязочное) дополнение; косвенное дополнение (*заниматься музыкой*); обстоятельство образа действия, сравнения и др.»

«‘комитатив’: ‘совместно с’».

2.3.3.1. Сравнительный анализ

Проанализируем значимые компоненты этих трех определений.

ОпрКОМ представляется наиболее элегантным, но тем не менее неверным определением. Фактически функция комитатива сводится к выражению единственного семантического компонента — совместности. О необходимости разграничения комитатива и совместности будет сказано ниже (§ 2.4).

¹ “The ‘comitative’ usually marks the animate (typically human) which is conceived of as accompanying the participation of some more centrally involved participant in a predication.”

В ОпрЛЭС («роль лица, выполняющего какое-л. действие совместно с агенсом») перечислено больше всего содержательных компонентов: (i) совместность; (ii) личность участника, выраженного комитативом (= Спутника); (iii) его агентивность; (iv) агентивность другого участника, с которым он соотносится (= Ориентира). Однако, как выясняется, из этих признаков ни один не является необходимым для идентификации категории комитатива.

ОпрELL является наиболее расплывчатым из трех определений. В нем характеристика личности (одушевленности) участника относится — с оговоркой — только к типичным употреблениям комитатива; отсутствуют требования агентивности как для Спутника, так и для Ориентира. Что более важно, между Ориентиром и Спутником вводится оппозиция по степени вовлеченности в ситуацию. С другой стороны, содержательные характеристики комитативного участника в ОпрELL сводятся к понятию сопровождения, а оно само по себе нуждается в серьезном уточнении.

2.3.3.2. Агентивность

ОпрЛЭС одним из ключевых признаков комитатива называет агентивность комитативного участника и наличие в предикации другого, соотнесенного с ним участника в роли агенса¹.

Это требование, очевидно, выполняется в примерах с глаголами движения из самого ОпрЛЭС, но ведь комитатив может употребляться и со стативными предикатами, ср.:

якутский < ТЮРКСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ

[Харитонов 1982: 132]

(2.18) мин **оҕонньор-дуун** **дьиэбэ** хаала-бын СТАТИВ
 1SG старик-COM.SUBJ дома оставаться-1SG
Я остаюсь дома вместе со стариком.

баскский (изолят, Европа)

[собс.]

(2.19) aita **terraza-n** eserita dago **ama-rekin** СТАТИВ
 отец терраса-LOC сидящий находится.3SG мама-COM
Отец сидит с мамой на террасе.

Интересный факт представляет нам язык луисеньо (< ЮТО-АЦТЕКСКИЕ). Как сообщается в грамматическом очерке [Kroeber & Grace 1960: 91, 98–99], в луисеньо есть три различных падежных показателя, которые можно отнести к комитативным. Один из них, *-tan*, маркирует комитатив у существительных. Два других, *-to* и *-ʔeš*, сочетаются только с местоимениями и имеют семантически мотивированное распределение: *-to* применим только к статическим ситуациям, *-ʔeš* — только к динамическим.

Таким образом, комитатив как таковой сочетается и со статическими, и с динамическими предикатами. Из использованной в данной работе выборки языков только луисеньо считает необходимым подчеркивать это различие.

Но у стативных предикатов типа ‘остаться’, ‘сидеть’ нет участников с ролью Агенса: *старик* в (2.18) и *мать* в (2.19) скорее имеют роль Темы (Theme). Между тем, комитатив употребляется и для обозначения участников с другими ролями; в следующих примерах из фула иллюстрируются роли Агенса, Экспериенцера и Пациенса:

¹ Очевидно, что участник, «выполняющий действие совместно с агенсом» сам обладает агентивными свойствами.

фула < АТЛАНТИЧЕСКИЕ < НИГЕР-КОНГО

[Коваль, Нялибули 1997: 165, 163, 166]

(2.20) О yaltidi e yimbe amiiri АГЕНС
 он выходить:СОС INS/СОМ люди эмира
Он вышел вместе с людьми эмира.

(2.21) О yiidi dum e Umar ЭКСПЕРИЕНЦЕР
 он увидеть:СОС это INS/СОМ Умар
Он увидел это (одновременно) с Умаром.

(2.22) Saaya kaa tunnidii e tuuba kaa ПАЦИЕНС
 рубаха испачкаться:СОС INS/СОМ штаны
Рубаха стала грязной вместе (одновременно) со штанами.

Становится очевидно, что наличие агентивных характеристик вовсе не является обязательным для употребления комитатива и не может служить основой для определения. Однако следует обратить внимание на другой важный аспект: во всех приведенных примерах ((2.18)–(2.22)) комитативный участник всегда имеет **одинаковую роль** с одним из центральных участников. Мы вернемся к этому факту в следующих разделах.

2.3.3.3. Личность (одушевленность)

В ОпрЛЭС как необходимый признак комитатива упоминается **личность** соответствующего участника («лицо, выполняющее к.-л. действие...»). Более корректным было бы отнести этот признак к **типичным** (но не обязательным), как это делает Дж. Андерсон в ОпрЕЛЛ, поскольку он соблюдается в большинстве случаев, но нередко все же нарушается. Достаточно обратиться к примерам типа (2.22), где комитативом оформляется неодушевленный участник — обычно соотносимый с участником в роли Пациенса или Темы. Еще один пример:

якутский < ТЮРКСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ

[Харитонов 1982: 139]

(2.23) быһаҕ-ы кыын-нары аҕал НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ
 нож-АСС ножны-СОМ.ОВЛ приносить.ІМР
Принеси нож вместе с ножнами.

2.4. КОМИТАТИВ И СОВМЕШНОСТЬ

2.4.1. Природа совместности

Понятие совместности весьма трудно поддается формализации. Одной из плодотворных попыток разъяснения природы совместности является работа [Зализняк & Шмелев 1999] (авторы говорят о совместном действии¹).

Совместность понимается как определенная характеристика ситуации, причем у этой ситуации должно быть больше одного участника **с одной и той же ролью**. Будем в таком случае говорить, что ту или иную роль занимает множественный участник [МНУ] (состоящий из двух или более единичных, элементарных участников [ЭУ]). Например, в предложениях *Дети (Фаня и Саша / Фаня с Сашей) бегали по всему дому* роль агенса

¹ Я предпочитаю говорить о совместном участии [в ситуации] или о совместности ситуации, чтобы избежать ненужных ограничений на семантический тип ситуации: ведь совместными могут быть и стативные ситуации (*Они сидели вместе на берегу*), не подходящие, строго говоря, под термин «совместное действие».

при глаголе *бегать* выполняет множественный участник, состоящий в последних двух вариантах из двух элементарных участников — *Фани* и *Саши*.

Множественность не является достаточным условием совместности. Ситуация с множественным участником считается совместной, только если она **воспринимается** относительно множественного участника **как единое целое**, или, пользуясь термином Э. Кёнига¹, обладает **перцептивным единством**. «Совместное действие отличается от одинаковых действий двух (или более) людей — даже производимых одновременно и в одном месте — тем, что действия, производимые этими людьми, концептуализуются как части одного общего дела» [Зализняк & Шмелев 1999: 450]. Примером совместных ситуаций может быть постройка дома: хотя действия участников различны, каждый из них *строит дом*, и в то же время все они вместе тоже *строят дом*.

Маркировано совместные предикаты, однако, обычно не могут применяться для обозначения единичной ситуации в составе совместной (ср. **Петя вместе строит дом*).

2.4.2. Совместность vs. дистрибутивность

Противоположной альтернативой для совместных ситуаций являются ситуации дистрибутивные (раздельные), которые воспринимаются как множество раздельных однотипных ситуаций.

Маркировано дистрибутивным предикатом, как и маркировано совместным, нельзя обозначить каждую из элементарных ситуаций в отдельности: ср. *Со злости Лена перебила всю посуду*. — **Сначала она перебила стакан, а потом тарелку*.

Кроме того, предикат может быть немаркированным по признаку совместности/раздельности², допуская обе интерпретации. Разные языки избирают различные стратегии кодирования совместности/раздельности. Одна из них состоит в том, что морфологически немаркированные формы не различают совместности/раздельности, а совместность при необходимости маркируется особо; ср. примеры из айну: *respa* ‘жить’ — *и-respa* ‘жить вместе’, *е* ‘есть (что-л.)’ — *и-е* ‘есть вместе’ [Kemmer 1993]; якут. *Тураах-тар даабыныыллар* [ворона-PL каркать:PRS:3PL] ‘Вороны каркают’ *Тураах-тар даабын-аһ-аллар* [ворона-PL каркать-SOC-PRS:3PL] ‘Вороны каркают (все вместе, дружно)’ [Харитонов 1963: 25].

При другой возможной стратегии отдельно маркируется, наоборот, раздельность, ср. следующие примеры из хауса:

хауса < ЧАДСКИЕ < АФРАЗИЙСКИЕ

[Corbett 2000: (8ab), 246 < Eulenberg 1971: 73–74]

(2.24) *naa aikee su*

НЕЙТР.

я послал их

Я послал их.

(2.25) *naa a''aikee su*

РАЗДЕЛЬНОСТЬ

я послал.PL их

Я разослал их.

Форма *aikee* может употребляться как в совместных, так и в дистрибутивных контекстах; редуцированная форма *a''aikee* несет значение раздельности (в пространстве и/или во времени): ‘Я послал их в одно и то же время в разные места / в разное время в

¹ В работе [König 1995] термин *perceptual unity* употребляется при обсуждении семантики деепричастных оборотов.

² В английской терминологии эта оппозиция чаще всего звучит как *collective vs. distributive*.

одно и то же место / в разное время в разные места'. Она не может быть употреблена в совместном контексте ('я послал их в одно и то же время в одно и то же место').

2.4.3. Факторы совместности

Очевидно, что совместность, будучи зависимой от **восприятия** ситуации, является в большой степени **субъективной** характеристикой, поскольку зависит от восприятия конкретного говорящего; она не приписывается предикату в словаре, а «вычисляется» в каждом случае отдельно. К тому же эта характеристика градуальна (есть «более совместные» и «менее совместные» ситуации) и многофакторна¹.

Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев выделяют три формальных фактора, практически следуя законам классической драматургии: тождество действия, единство места и единство времени. Однако, в отличие от классических пьес, для понятия совместности эти три единства являются лишь факторами, но никак не законами: ни одно из них не является необходимым. «Наименее обязательным является требование тождества действия. Более того, по-видимому, кроме случаев участия в спортивных или военных парадах, едва ли найдутся такие совместные действия, которые складываются из идентичных, синхронных и совершаемых в одном месте действий» [Зализняк & Шмелев 1999: 451]. Например, если муж и жена вместе делают уборку в доме, то один при этом может мыть полы, а другой — выбивать на улице ковер. С. Кеммер [Kemmer 1993] приводит пример *Mary and her mother made a dress together* 'Мэри с матерью вместе сшили платье', который вполне может означать, что Мэри снимала мерку и делала выкройку, а мать шила на швейной машине.

Условия единства места и времени являются более устойчивыми, но и они могут нарушаться. Так, два человека могут написать совместную статью, находясь в разных городах и даже странах и занимаясь этим в разное время².

Еще один фактор, выделяемый С. Кеммер, — сотрудничество (*cooperation*), — также необязателен, поскольку совместность может в принципе относиться к пациентивным участникам: *Вместе с ванной пришлось отремонтировать коридор*.

Наиболее важным и наименее формализуемым свойством совместных ситуаций представляется то, что, по крайней мере для людей, всякая совместная деятельность, всякие совместные переживания могут приводить к возникновению определенной близости (*shared experience* в терминах А. Вежбицкой).

(О совместных и других множественных ситуациях см. тж. разделы 4.3, 4.4).

2.4.4. Совместность vs. комитатив

Какими бы тонкими факторами ни определялось понятие совместности, во многих языках мира оно получает грамматическое выражение. Язык имбабура кечуа [Cole 1985] интересен тем, что в нем граммы совместности и комитатива выражаются совмещенно. В имбабура кечуа имеются два комитативных показателя: один из них (*-wan*) используется, если совместность/раздельность ситуации для говорящего неважна, а другой (*-ndi*) подчеркивает, что ситуация является совместной³.

¹ «Интерпретация действия как совместного — это результат концептуализации, которая определяется довольно тонкими обстоятельствами, варьирует от одного употребления к другому и, кроме того, допускает градуацию» [Зализняк & Шмелев 1999: 454].

² Примером может служить случай, описанный в памятной брошюре «Тридцать Олимпиад. Юбилейные заметки» (И. Б. Иткин, М. Л. Рубинштейн. — М., 1999), когда соавторы одной лингвистической задачи случайно познакомились в поезде через несколько лет после **совместного** ее написания.

³ *-wan*: 'together with but not forming a single entity' ('вместе, но не образуя единый объект с'), *-ndi*: 'together with and forming a single entity' ('вместе и образуя единый объект с') [Cole 1985: 80].

имбабура кечуа < КЕЧУА < АНДСКИЕ [Cole 1985: (316–317), 80]

(2.26) *ñuka-ka wambra-wan puri-ni* КОМИТАТИВ
 я-ТОР ребенок-СОМ1 идти-1SG НЕЙТРАЛЬНЫЙ

Я иду с ребенком. {Мы случайно оказались вместе на одной дороге.}

(2.27) *ñuka-ka wambra-ndi puri-ni* КОМИТАТИВ
 я-ТОР ребенок-СОМ2 идти-1SG СОВМЕСТНЫЙ

Я иду (вместе) с ребенком. {Мы вместе идем в одном направлении, с общей целью.}

Категория совместности в том же языке может маркироваться и в глаголе с помощью показателя *-naju-*:

имбабура кечуа < КЕЧУА < АНДСКИЕ [Cole 1985: (734ab), 186]

(2.28) *shamu-rka-nchi* ±СОВМЕСТНОСТЬ
 приходить-РСТ-1PL

Мы пришли {возможно, по отдельности}.

(2.29) *shamu-naju-rka-nchi* +СОВМЕСТНОСТЬ
 приходить-СОС-РСТ-1PL

Мы пришли вместе.

Таким образом, мы видим, что категории комитатива и совместности принципиально независимы друг от друга: совместность может быть выражена без привлечения комитатива, а комитатив — без привлечения совместности. Из этого непосредственно следует необоснованность ОпрКОМ и отчасти ОпрЛЭС.

2.4.5. Сопровождение

На понятии сопровождения (*accompaniment*) основано одно из самых распространенных определений комитатива (ОпрSIL, см. 2.3.2.3); к нему прибегает и Дж. Андерсон (ОпрELL). В отечественной традиции на него ссылается В. В. Виноградов [1947: 686]; термин сопроводительный падеж используется в описаниях чукотского [Скорик 1961] и ительменского языков [Володин 1974] (см. 1.2.2).

Поскольку слово сопровождение не имеет в лингвистике строгого терминологического значения, приходится обратиться к значению общеязыковому. То же можно констатировать в отношении англ. accompaniment. ‘Сопровождать’ в русском языке толкуется в первую очередь как ‘идти вместе’¹, англ. ‘accompany’ — как ‘go with’ (‘идти [вместе] с (кем-л.)’)². Исторически слово *accompany* происходит от нар. лат. *companio, -onis* ‘тот, кто ест хлеб вместе с (кем-л.)’³. Если первое из указанных значений предполагает (совместное) движение, то второе — совместное участие в агентивно-пациентивной ситуации. В тексте же ОпрELL «*accompanying the participation of ...*» [«сопровождающий участие ... (кого)»] речь не идет, по всей видимости, ни об этимологическом, ни о современном значении в отдельности. Здесь обобщенно имеется в виду совместное участие в ситуации любого типа.

² Хорнби А. С. (1982) *Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: Специальное издание для СССР*, т. 1. — М.: Русский язык; Оксфорд: ОЮП.

³ Dautat, A., et. al. (1964/1981). *Nouveau dictionnaire étymologique et historique*. — Librairie Larousse : Paris, pp. 182–183.

Остается, однако, не до конца ясной семантическая роль Спутника: если это типичное совместное участие, роли участников должны быть одинаковы. Между тем у слов *сопровождать/acompany* есть еще один важный элемент значения, несводимый к совместности. Это значение **дополнительности, второстепенности** сопровождающего по отношению к сопровождаемому. В ОпрELL значение второстепенности присутствует и специально акцентируется: «*accompanying the participation of some more centrally involved participant in a predication*» [«*сопровождающий участие в предикации некоторого более непосредственно вовлеченного участника*»].

2.5. ВТОРОСТЕПЕННОСТЬ КАК ПРИЗНАК КОМИТАТИВА

2.5.1. Ролевой vs. коммуникативный аспект семантики

Второстепенность участника в принципе может затрагивать разные аспекты плана содержания. Можно выделить по меньшей мере **второстепенность в ролевом аспекте** и **второстепенность в коммуникативном аспекте**.

Исходя из широкого понимания семантики, к области ее ведения относятся все явления плана содержания языковых выражений. Эти явления (значения, категории) разделяются на несколько компонентов по характеру передаваемой ими информации; они соотносятся с различными базовыми функциями языка. Традиционно выделяются по крайней мере следующие три компонента плана содержания: пропозициональный, коммуникативный и прагматический (см. [Кибрик 1992: 182–187], [Кобозева 2000: 217–265]).

Пропозициональный компонент соотносится с функцией отражения, обозначения в языке внеязыковых явлений (эта функция языка у разных исследователей называется денотативной, когнитивной, референтивной и под.). В рамках пропозиционального компонента кодируется наиболее объективное содержание языковых выражений; внеязыковые ситуации (положения вещей) отображаются в пропозиции, а «способы включения участников события в описываемую типовую ситуацию» [Кибрик 1997/2003] категоризируются в виде семантических ролей (см. 2.3.2).

Пропозициональный компонент может быть далее подразделен на предикатно-аргументную структуру, семантические операторы, кванторы и связки, референциальный и модальный аспект.

Коммуникативный (упаковочный) компонент объединяет категории, связанные с **интерпретацией** говорящим ситуаций, описываемых пропозициональным компонентом. Отображение внеязыковой действительности в пропозициях неоднозначно: говорящий, упоминая ту или иную внеязыковую ситуацию, выделяет в ней более значимые элементы; он также выбирает последовательность введения в рассмотрение элементов ситуации (**порядок обхода** ситуации). В рамках коммуникативного компонента задается «способ организации пропозиционального содержания, задающий порядок важности, значимости тех или иных его элементов для данной ситуации общения» [Кобозева 2000: 250].

Коммуникативные значения образуют несколько однородных рядов, или категорий. Среди них наиболее известны и наиболее изучены¹ категории актуального членения предложения — тема vs. рема (topic vs. comment); за ними следуют данное vs. новое, известное vs. неизвестное, фокус, контрастивность, эмпатия (точка зрения), эмфаза и др.

Назначение коммуникативного компонента в том, чтобы обеспечить наиболее эффективную передачу сообщения от говорящего к слушающему в данных условиях общения. Для этого говорящий некоторым образом оценивает текущее состояние сознания адре-

¹ Традиция изучения категорий актуального членения предложения восходит к Пражской лингвистической школе, и прежде всего работам Вилема Матезиуса.

сата и выбирает ту или иную **стратегию** организации, «упаковки»¹ пропозиционального содержания для передачи. Коммуникативные значения кодируют «инструкции говорящего адресату о том, как, в каком порядке обрабатывать содержание предложения в процессе его восприятия» [Тестелец 2001: 440].

Наконец, элементы прагматического (иллокутивного) компонента плана содержания выражают внутреннее отношение говорящего к содержанию речевого акта, собеседнику, условиям речевого акта и т. п. Внутри прагматического компонента выделяют в первую очередь **иллокутивный** и **перлокутивный** аспекты. Под иллокутивной функцией высказывания понимают цель, с которой говорящий употребляет его в данном речевом акте; это может быть, например, изменение сознания адресата (сообщение информации), совершение адресатом какого-либо действия (побуждение), в том числе сообщение информации говорящему (запрос информации). Перлокуцией называется реальный эффект, которого достигает речевой акт; в общем случае он может не совпадать (и часто не совпадает) с заложенной говорящим иллокуцией.

Как можно увидеть, все семантические признаки, обсуждавшиеся до сих пор (2.4.1–2.4.5), относятся к наиболее объективному слою содержания — пропозициональному. Было показано, что ни один из этих признаков не является необходимым для комитативных конструкций.

Понятие второстепенности в принципе может быть реализовано как на пропозициональном уровне (ролевая второстепенность), так и на коммуникативном. Комитативные конструкции в широком смысле могут передавать различные виды второстепенности, но только коммуникативная второстепенность представляется ингерентным свойством собственно комитативных конструкций.

2.5.2. Ролевая второстепенность

2.5.2.1. Семантические роли как неоднородные категории

Если первоначально семантические роли представлялись исследователям скорее как некий набор атомарных категорий, то впоследствии возникли идеи о большей сложности этих объектов.

В частности, выдвигались тезисы о **континуальности** противопоставлений между различными ролями (см. обзор работы [Schlesinger 1979] в разделе 1.3.6); о том, что ролевые категории могут допускать переменные степени «членства» в этих категориях (т. е. бывают, например, **более типичные** Агенсы и **менее типичные** Агенсы); и о том, что семантические роли могут быть **кластерными категориями** (т. е. задаваться набором признаков, ни один из которых по отдельности не является необходимым и достаточным для определения принадлежности к данной категории²); см., например, [Schlesinger 1989] о соотношении категорий Инструмента и Агенса.

К. Леман [Lehmann 1991; unpublished] использует два взаимосвязанные параметра, формирующие пространство семантических ролей (participant relations), **вовлеченность** и **контроль**.

Вовлеченность характеризует отношение участника к ситуации: степень его вовлеченности максимальна, если ситуацию нельзя представить без его участия. Центральные участники, такие как Агенс и Пациенс, являются наиболее вовлеченными, периферийные, в числе которых К. Леман называет Инструмент, Комитатив и Бенефицианта, — наименее вовлеченными. Вовлеченность участника коррелирует с синтаксическим ста-

¹ Термин У. Чейфа [1976/1982].

² Ср. известную статью [Кинэн 1976/1982] о многопризнаковом подходе к определению подлежащего.

тусом соответствующей именной группы: центральные участники чаще выражаются синтаксическими актантами, периферийные — сирконстантами.

Параметр контроля (и обратная величина — affectedness ‘подверженность воздействию’ [Lehmann unpublished], или controlledness ‘контролируемость’ [Lehmann 1991]) также описывает отношение участника к ситуации, но проявляется в основном в контрасте между двумя участниками с разной степенью контроля. В ситуациях, где имеется два или более участников, один из них (Актор) обычно в большей степени контролирует ситуацию, а другой (Претерпевающий) скорее испытывает на себе контроль (воздействие) со стороны ситуации.

Ср. определения гиперролей Актора и Претерпевающего у А. Е. Кибрика [1997/2003: 146], основанные на [Foley & Van Valin 1984: 29; Foley 1993: 139, 141]:

«АКТОР: участник события, который его совершает или контролирует и является в первую очередь ответственным за существование этого события

ПРЕТЕРПЕВАЮЩИЙ: участник события, который его не совершает и не контролирует и в первую очередь испытывает на себе воздействие данного события».

Параметр контроля позволяет различать в первую очередь центральных участников. Чем выше степень вовлеченности участника, тем большее значение для него имеет контроль; наиболее периферийные участники (например, абстрактные сущности) не контролируют ситуацию и не контролируются ею.

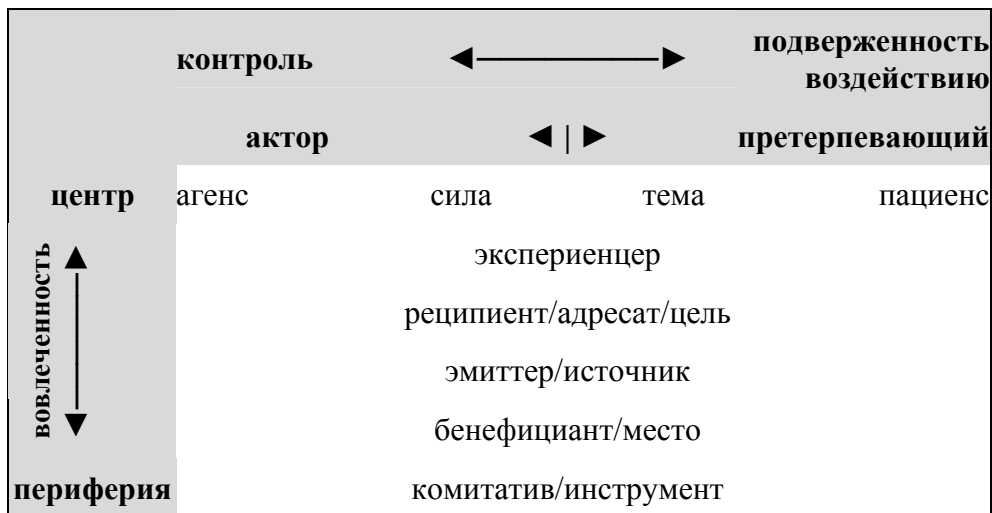

Таблица 4. Вовлеченность и контроль [Lehmann, unpublished: 5]

Вовлеченность и контроль — параметры, характеризующие способ участия сущностей в заданной ситуации. Кроме этого, есть постоянные свойства, присущие участникам независимо от их участия в той или иной ситуации. Основное из этих свойств — класс одушевленности, или эмпатии (см. 2.5.3.2).

Эти классы задаются иерархией одушевленности [Comrie 1981, ch. 9] (известной также под названием иерархии Сильверстейна, или иерархии эмпатии [Kuno 1987]), которая в обобщенном виде выглядит так:

- (2.30) *локуторы*¹ и имена собственные > люди-нелокуторы >
 одушевленные не-люди > неодушевленные предметы > субстанции > места >
 абстрактные сущности (пропозиции)

Классом эмпатии во многом определяется способность участника заполнять определенную семантическую валентность. Например, роль Агенса могут выполнять только одушевленные участники (т. е. первые три класса в иерархии); роль Инструмента (в широком смысле) — неодушевленные предметы и субстанции, и т. д.

¹ Локуторы — т. е. участники речевого акта, Говорящий и Слушающий/Адресат.

2.5.2.2. Второстепенность как пониженная вовлеченность

«Ролевую» второстепенность можно описывать как пониженную **вовлеченность** в ситуацию (ср. ОпрELL). В частности, К. Леман относит роли Комитатива и Инструмента к периферийным, т. е. наименее вовлеченным участникам (см. выше). Такая трактовка, однако, наталкивается на некоторые препятствия.

Вспомним, что участник считается вовлеченным, если без него ситуацию нельзя представить. В отношении Комитатива это требование, действительно, соблюдается: Спутник в ситуации факультативен (напр., *бабушка* в ситуации *Мать пошла с бабушкой на рынок*). Однако для Инструмента оно верно не всегда: существуют такие действия, которые нельзя **представить** без Инструмента (напр., *резать, строгать*); хотя **упоминание** Инструмента при соответствующих глаголах факультативно. таким образом, само понятие вовлеченности, очевидно, нуждается в уточнении.

С другой стороны, для периферийных участников должно нейтрализовываться различие по контролю над ситуацией [Lehmann, unpublished: 5]. Между тем, в работе [Lehmann & Shin, unpublished: 16–17] утверждается, что Комитатив и Инструмент различаются по этому параметру: «Комитативы могут функционировать как ко-агенты, инструменты не могут. Соответственно, комитативы могут разделять с агентом признак [+ НАМЕРЕНИЕ], в то время как инструменты всегда отмечены признаком [– НАМЕРЕНИЕ]. В этом выражается то, что комитативы имеют больше контроля, чем инструменты».

Характерно, что свойства Комитатива при этом существенным образом определяются свойствами центрального участника, с которым он ассоциируется (= Ориентира): «в комитативных ситуациях спутник частично разделяет контроль с актором; или, в случае, если это спутник претерпевающего, он разделяет с ним подверженность воздействию (affectedness)» [там же: 12].

Приходим к противоречию: с одной стороны, комитативный участник находится на периферии, он несуществен для ситуации (возможно, менее существен, чем Инструмент); с другой стороны, признак контроля для него релевантен в значительно большей степени, чем для Инструмента.

Выход, который представляется мне наиболее оправданным,— рассматривать второстепенность комитативного участника как признак **коммуникативный**, а не ролевой (см. далее § 2.5.3). При таком подходе комитатив не рассматривается как обычная семантическая роль и не имеет фиксированного места в пространстве, задаваемом координатами вовлеченности и контроля. Свойства Спутника в конкретных ситуациях определяются по свойствам его Ориентира среди центральных участников.

2.5.2.3. Собственно комитатив vs. копредикативный комитатив

К. Леман включает в число «комитативных ситуаций» те, в которых Спутник имеет более низкий класс эмпатии, чем Ориентир, и, вообще говоря, не может выполнять ту же роль, что и Ориентир; ср. также функцию конфектива у Т. Штольца (см. 1.4.1.1).

немецкий < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Lehmann & Shin, unpublished: (E8), 12]

(2.31) Sie kam mit einer Tasse Kaffee zurück.

Она вернулась с чашкой кофе.

В отличие от собственно комитативных конструкций, в копредикативных конструкциях показатель комитатива маркирует предмет, характеризующий не ситуацию, а одного из центральных участников (Ориентир). Сравним следующие предложения (ср. [Даниэль 2000: 175]):

(2.32) Петя гуляет с Наташей.

(2.33) Петя гуляет с двустволкой.

(2.34) За деревом Петя увидел [парня с двустволкой]_{иг.}

Если в (2.32) мы имеем собственно комитативную конструкцию (роли участников одинаковы), в (2.33) у ситуации *гулять* только один участник — *Петя*. Периферийная ИГ *с двустволкой* в данном случае синтаксически выполняет функцию сирконстанта, как и в первом примере, но семантически является предикатом по отношению к ИГ *Петя*; ср. употребление той же периферийной ИГ в синтаксической позиции определения (2.34).

Функцию периферийной ИГ (*mit einer Tasse Kaffee, с двустволкой*) в подобных конструкциях будем называть функцией копредиката, а саму конструкцию копредикативной. Центральную ИГ (*Sie, Петя*) будем называть контролером копредиката.

В русскоязычной традиции термин копредикат восходит к названию копредикативного поверхностно-синтаксического отношения (ПСО)¹ в модели «Смысл ⇔ Текст» [Мельчук 1974]. Дж. Никольс [Nichols 1981; Никольс 1985] использует термин «предикативное имя» (predicate nominal). Типичным образцом копредикатов в русском языке служат прилагательные типа *больной, пьяный, голый* в предложениях вида (2.35)–(2.36), где они могут принимать форму творительного падежа либо согласоваться в падеже с одной из ИГ:

(2.35) Он был **веселый** / **веселым**.

[Никольс 1985: 344]

(2.36) Друзья привели **его** домой **пьяного** / **пьяным**.

Наиболее распространенным в англоязычной литературе является термин depictive secondary predicate (букв. описательный вторичный предикат), или просто depictive. Преимущество этого термина в том, что он наглядно демонстрирует связь копредикатов с родовым понятием вторичной предикации; существуют и другие типы вторичных предикатов, в частности, результативные. Следующие примеры показывают, что одно и то же выражение может употребляться и как описательный, и как результативный вторичный предикат:

немецкий < ГЕРМАНСКИЕ < И.-Е.

[Schultze-Berndt & Himmelmann 2004: (13), 9 < Paul 1919: 49]

(2.37) man trug ihn halbtot weg КОПРЕДИКАТ
3SG.NOM.IMPERS унесли 3SG.M.ACC полумертвый прочь

Его унесли полумертвым.

{когда его уносили, он был полумертвым}

(2.38) sie schlugen ihn halbtot РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ
3PL избивали 3SG.M.ACC полумертвый ВТОРИЧНЫЙ ПРЕДИКАТ

Они избивали его до полусмерти.

{в результате избивания он стал полумертвым}

Мы, однако, из соображений краткости и, отчасти, следования отечественной традиции будем использовать в отношении конструкций типа (2.35), (2.37) термин копредикат.

Существуют разные подходы к анализу подобных примеров. Проблема заключается в двойной зависимости (потенциально — двойной синтаксической зависимости) прилагательного (*пьяный* в (2.35), *halbtot* в (2.37)). С одной стороны, *пьяный* не входит в ИГ-контролер *его*, а является зависимым вершинного предиката *привели*. С другой стороны, оно согласуется с контролером в роде и числе (и иногда в падеже). Очевидно, что между прилагательным и его контролером существует по крайней мере семантическая за-

¹ Точнее, двух ПСО: субъектно-копредикативного и объектно-копредикативного.

висимость. И. А. Мельчук [1974; Mel'čuk 1988; Mel'čuk, in preparation] предлагает различать при анализе копредикатов **семантическую, синтаксическую и морфологическую** зависимость: копредикат связан с контролером морфологически и семантически, но не синтаксически).

В генетически не связанных между собой языках, таких как немецкий и эве (< НИГЕР-КОНГО) отмечены употребления показателей комитатива для маркирования копредиката. Как предполагают Э. Шульце-Берндт и К. Химмельман [2004: 49], такое расширение функций комитативных показателей возможно благодаря изначально присущей комитативу ориентации на участника, в том числе в собственно комитативных конструкциях. Подробнее о копредикативных конструкциях см. разделы 3.4.3.1, 0.

2.5.3. Коммуникативная второстепенность

Все рассмотренные до сих пор семантические компоненты, от совместности до ролевой второстепенности, могут факультативно присутствовать в конкретных реализациях комитативных конструкций. Чаще всего они имеют собственные средства выражения, независимые от комитатива. Определенные комитативные показатели могут иметь предпочтение к совмещенному выражению одного из этих компонентов (например, совместности или каузативности), что определяется как происхождением конкретных показателей, так и морфосинтаксическими особенностями конструкций. Ни один из этих компонентов, однако, не является неотъемлемым и обязательным для комитативных конструкций вообще.

Единственный семантический признак, который, кажется, неизменно присутствует во всех собственно комитативных конструкциях; предварительно можно назвать **коммуникативной второстепенностью**: комитативная группа и центральная ИГ имеют различный ранг (статус) в одной из категорий коммуникативного компонента плана содержания.

Из названных при обсуждении коммуникативного компонента (2.5) категорий наиболее вероятными претендентами на выражение в КК являются основные категории актуального членения (тема и рема), а также эмпатия.

2.5.3.1. *Тема и рема*

Тема обычно понимается как исходная точка сообщения, как то, о чем говорится в предложении; рема — как основное содержание предложения, как то, что говорится в нем о теме.

Например, при обычной интонации в предложении (2.39) *Собака* является темой, а *укусила мальчика* — ремой; наоборот, в (2.40) *Мальчика* — тема, а *укусила собака* — рема.

(2.39) Собака укусила мальчика.

(2.40) Мальчика укусила собака.

Тема, в отличие от ремы, необязательна: предложение может состоять из одной ремы (нерасчлененное, или тетическое [thetic] предложение).

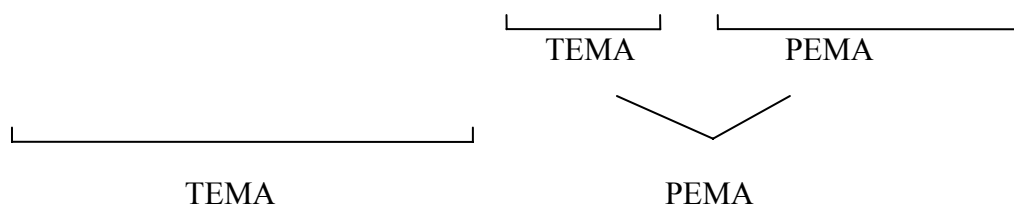
«Рема — это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно, тема — его не-конституирующий компонент, противопоставленный реме. Рема — это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы — относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью» [Янко 1999: 30].

В западной терминологии наиболее распространены термины *topic* (~ тема) vs. *comment* (~ рема), а также *focus*. Последний из них, к сожалению, чрезвычайно многозначен (см. [Тестелец 2001: 447]).

Следуя словоупотреблению Я. Г. Тестельца, я буду называть **топиком** грамматикализованную тему (т. е. тему, маркированную специальным грамматическим средством).

Противопоставление темы и ремы является градуальным: как тема, так и рема могут иметь вторичное внутреннее коммуникативное членение (см., в частности, [Белошапкина 1977: 147]; примеры (i)–(iii) приводятся по [Тестелец 2001: 441]).

(i)	Тонкие стволы берез	белели	редко и отчетливо.
(ii)	Атаковать с ходу	противник	не решился.
(iii)	Бурные исторические события	их счастья	не омрачили.

Независимые аргументы в пользу выделения категории **вторичной темы** (secondary topic) предложены И. Николаевой [Nikolaeva 2001] в рамках пресуппозиционного подхода К. Ламбрехта [Lambrecht 1994].

В подходе К. Ламбрехта категории актуального членения определяются через **прагматическую структуру пропозиции**. Прагматической пресуппозицией Ламбрехт называет то, что, по мнению говорящего, адресат ‘знает’ в момент речевого акта. Прагматическая ассерция — то, что, согласно намерениям говорящего, адресат должен ‘знать’ по окончании речевого акта. (‘Знать’ в данном употреблении не означает какой-либо истинностной оценки: требуется только, чтобы пропозиция или референт присутствовали в сознании адресата, возможно под отрицанием или в вопросительном контексте).

Тема (topic) определяется как часть прагматической пресуппозиции, связанная отношением aboutness (от англ. *about* ‘о (чем), насчет, касательно (чего)’). Рема (focus) — как «семантический компонент прагматически структурированной пропозиции, которым ассерция отличается от пресуппозиции» [Lambrecht 1994: 213]. Различаются три вида ремы: аргументная (= узкая), предикатная и сентенциальная.

Следует отметить, что категория темы определяется для референтов, а не для обозначающих их языковых выражений.

Вторичной темой И. Николаева называет «такую сущность, что высказывание касается отношений этой сущности с основной темой» [Nikolaeva 2001: 17]. Например, референт местоимения *he* в предложениях (b) и (c) (т. е. Джон) является темой; референт имени *Rosa* во фразе (b) входит в рему, а в (c) является вторичной темой, поскольку эта фраза сообщает нечто новое об отношениях Джона и Розы, которые здесь уже являются частью прагматической пресуппозиции [там же: 7].

английский < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Lambrecht 1994: 148]

(a) Whatever became of John?	<i>Что стало с Джоном?</i>
(b) He married Rosa,	<i>Он женился на Розе,</i>
(c) but he didn't really love her.	<i>но на самом деле он ее не любил.</i>

2.5.3.2. Тематичность в комитативных конструкциях

Возвращаясь к анализу комитативных конструкций, можно заметить, что обычно центральная и периферийная ИГ оказываются в разных «лагерях»: центральная ИГ выступает как тема, а комитативная группа — как часть ремы:

(2.41) Ее всегда узнавали, когда [[она_{ТЕМА}] [появлялась на улице с Виктором Петровичем_{РЕМА}]].

Такие примеры можно рассматривать как проявление широко распространенной в языках мира дискурсивной стратегии, описанной Марианной Митун: «Устанавливается тема [текста] (topic), затем референция к ней осуществляется с помощью местоимений. Если в некоторой ситуации совместно [с темой] принимает участие некоторая дополнительная сущность, она вводится с помощью комитативной конструкции. Исходная тема остается той же самой» [Mithun 1988: 338].

В данном случае можно рассматривать Спутника, выраженного комитативной группой, как **второстепенного** участника по отношению к Ориенту — главной теме. Соответствующий параметр — близость к статусу главной темы — предлагается назвать **тематичностью**.

Если бы такое соотношение коммуникативных свойств участников наблюдалось во всех комитативных конструкциях, можно было бы утверждать, что комитатив выражает **коммуникативную второстепенность** (низкую **тематичность**) Спутника.

Встречается, однако, и обратное соотношение: комитативная группа может быть ближе к главной теме, чем центральная ИГ. Рассмотрим пример:

(2.42) [С Николаем Андреевичем_{ТЕМА}] [[Василий_{ТЕМА}] [не так давно работал над проектом одного музея_{РЕМА}]].

В предложении (2.42) после первого деления на тему (С Николаем Андреевичем) и ремю (остальная часть предложения), сама рема далее разделяется на два контрастирующих компонента. Таким образом, комитативная группа оказывается первичной темой, а ЦИГ *Василий* — вторичной темой.

Центральная ИГ может входить и в собственно тематический компонент:

(2.43) [В качестве судьи или летописца_{ТЕМА}] [[со мной_{ТЕМА}] [корп.: Искандер] [отправился **здоровенный парень, на редкость ленивый, добродушный и наивный**_{РЕМА}]].

(2.44) [С хлебом_{ТЕМА}] [[мать принесла_{ТЕМА}] [крынку молока_{РЕМА}]]. [собс.]

Таким образом, направленность различия в тематичности между комитативной группой и ЦИГ не является фиксированной. Хотя в предпочтительном, немаркированном случае центральная ИГ ближе к теме, чем комитативная группа, при помощи специальных средств (топикализации) достижимо и обратное соотношение.

Наконец, комитативная группа и ЦИГ могут принадлежать к одному и тому же компоненту коммуникативной структуры, как в следующем английском примере:

английский < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ [Lehmann & Shin, unpublished: (E10), 12]

(2.45) [Ken_{ТЕМА}] [brought his daughter with her boyfriend_{РЕМА}].

Кен привел / привез свою дочь [вместе] с ее парнем.

Следует отметить, что в английском отсутствует сочинительный комитатив, так что это предложение можно рассматривать как пример собственно комитативной конструкции. Русский перевод, скорее всего, допускает два варианта анализа: как собственно комитатив и как сочинительный комитатив.

2.5.3.3. Прототипические vs. определяющие свойства

Можно констатировать, что принципиальным для комитативной конструкции является не то или иное фиксированное соотношение тематичности ее элементов, а **сама возможность различия их коммуникативных свойств, их относительная свобода в**

коммуникативной структуре. Действительно, именно этим отличаются КК от своих ближайших конкурентов — сочинительных конструкций (см. 4.2).

Если элементы типичной сочинительной конструкции обязаны иметь одинаковый структурный ранг и тематичность и не могут по отдельности участвовать в различных синтаксических процессах (релятивизация, топикализация, фокусирование и т. п.), то элементы комитативной конструкции этими ограничениями не связаны. Как следствие, комитативные конструкции широко используются в различных стратегиях организации дискурса для эффективной темо-рематической артикуляции, поддержания референции и проч.

Таким образом, **определяющим свойством** комитативной конструкции является возможность различия центральной ИГ и КГ по тематичности. **Прототипической** является бóльшая тематичность центральной ИГ по сравнению с КГ (как в (2.41)). Это свойство, однако, не соблюдается в таких примерах, как (2.42)–(2.45).

Что касается комитативных конструкций, где обе ИГ имеют одинаковую тематичность, как в англ. (2.45), то они, по-видимому, являются первым шагом к развитию сочинительного комитатива (рус. *Петя с Машей вернулись домой поздно*).

2.5.3.4. Эмпатия в комитативных конструкциях

Эмпатией называется «приобретение партиципантом, обозначаемым в ситуации, некоторых свойств говорящего. Фокусом эмпатии называется тот партиципант, который в максимальной степени, по сравнению с другими партиципантами, сосредотачивает в себе эти свойства. Если говорящий непосредственно обозначен в предложении (например, личным местоимением 1 лица), то это обозначение совпадает с фокусом эмпатии. Если говорящий не обозначен, но обозначен адресат (употреблено местоимение 2 лица), то он является фокусом эмпатии. Если же в предложении говорящий и адресат не обозначены, то в нем выбирается одна ИГ, референт которой в максимальной степени отождествляется с говорящим, и сообщение строится с его “точки зрения”» [Тестелец 2001].

Например, фокусом эмпатии в предложении (i) является Джон, а в примере (ii) — Мария: (i) *Джон ударил свою жену* (точка зрения Джона) и (ii) *Муж Марии ударил ее* (точка зрения Марии) [Чейф 1976/1982: 313].

Чаще всего фокусом эмпатии становятся референты-люди. К. Леман [Lehmann, unpublished] вслед за работой [Kuno & Kaburaki 1977] связывает категорию эмпатии с иерархией одушевленности, или иерархией эмпатии (2.30). Это объясняется тем, что говорящему легче отождествить себя с человеком, чем с другим одушевленным существом, а тем более с неодушевленным предметом или абстрактной сущностью.

Что касается комитативных конструкций, то участник-Ориентир, действительно, во многих случаях является фокусом эмпатии (ср. (2.46)). Однако при некоторых условиях фокус эмпатии может перемещаться и на КГ (2.47).

(2.46) Джон бежал со своей женой из города.

(2.47) С Джоном из города бежали его жена и дети.

Х. Тао, рассматривая сочинительные и комитативные конструкции в средневековом китайском (V–X вв. н. э.) [Тао 1991], отмечает в качестве одного из отличительных признаков последних «более высокую топикальность и/или эмпатию» ЦИГ по сравнению с КГ¹. Под «топикальностью» в данном случае понимается статус темы.

¹ «[C]omitatives are used when NP1 shows higher topicality and/or empathy than NP2 [...]. In other words, in comitatives there is a difference in discourse roles between NP1 and NP2, whereas in coordination there is not».

Однако, насколько позволяют судить приводимые Тао примеры, эмпатия проявляется не как единственная характеристика центральной ИГ, а **вместе** с «топикальностью». Другими словами, «топикальность» ЦИГ может факультативно сопровождаться эмпатией.

2.6. РАБОЧЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМИТАТИВА

2.6.1. Комитатив как средство плюрализации участника

Промежуточный итог наших наблюдений состоит в том, что комитатив не следует определять через понятия совместности, сопровождения или второстепенности (ролевой или коммуникативной).

Общим недостатком определений комитатива является апелляция к некоторой роли, которую якобы «выражает» комитатив:

Аффикс комитатива в урумском языке «**[в]ыражает роль** второстепенного агенса, сопровождающего действия главного [...], или любого участника ситуации, участвующего в действии **в той же семантической роли, что и другой, присутствующий в высказывании**» [Смолина 2004: 97; выделение мое — А. А.].

Представляется, однако, очевидным, в том числе исходя из приведенного выше определения, что комитатив **не соответствует никакой фиксированной семантической роли**. Участник, вводимый с помощью комитативной конструкции, имеет ту же роль, что и участник-Ориентир, выражаемый центральной именной группой. Ср. в описании грамматики алуторского языка:

«Комитатив обозначает дополнительного соучастника события, имеющего ту же роль, что и основной участник» [Кибрик и др. 2000: 75].

Таким образом, комитативная конструкция есть специальное морфосинтаксическое средство, позволяющее «размножить», «плюрализировать» один из актантов предиката (ср. термин А. И. Коваль и Б. Нялибули [1997] «омножествление»). Ниже будет предложено несколько более формальное определение.

2.6.2. Определение комитативной конструкции

2.6.2.1. Множественный участник

Пусть имеется ситуация С и два ее участника, У1 и У2, семантические роли которых в С одинаковы.

Тогда У1 и У2 будем называть элементарными участниками (= ЭУ), образующими в совокупности множественного участника (= МНУ).

2.6.2.2. Структурный ранг

Под структурным рангом понимается обобщенная морфосинтаксическая характеристика именной группы. В языках, для которых релевантно понятие синтаксических отношений¹, она соответствует прежде всего позиции на реляционной иерархии *Sub* > *DO* > *IO* > *Obl* [Джонсон 1977/1982: 43 и сл.]. Согласно этой иерархии, наивысший ранг имеет подлежащее, более низкие ранги — прямое дополнение, не прямое (дативное) дополнение и все прочие (косвенные) дополнения и обстоятельства.

[Тао 1991], цитировано по исправленной электронной версии {<http://www.people.fas.harvard.edu/~whu/China/np-med.htm>}.

¹ «Синтаксические отношения понимаются [...] как средство соотносения именных аргументов предиката с различными синтаксическими позициями, иерархически упорядоченными в соответствии со степенью их синтаксической активности или важности» [Кибрик 1997/2003: 134].

Существуют языки, выделение в которых синтаксических отношений представляется затруднительным: в них синтаксические конструкции не различают ядерных синтаксических отношений (синтаксических ролей), таких как подлежащее, прямое и не прямое дополнение. Среди языков без синтаксических отношений в настоящее время называют арчинский [Кибрик 2000/2003], ачехский [Dugie 1987], риау индонезийский [Gil 1994; 1999]. В этих языках, однако, сохраняется оппозиция ядерных и периферийных актантов, с которой мы и будем соотносить понятие структурного ранга. Эта оппозиция тесно связана с понятием переходности (см. [Кибрик 2000/2003; Hopper & Thompson 1980]). Переходные глаголы (рус. *бить, видеть, давать*) имеют два ядерных актанта, непереходные — один ядерный актант (рус. *бежать, смотреть*) или ни одного (рус. *больно, холодно*). (В некоторых языках, например, в баскском, дативный аргумент трехместных глаголов типа *давать*, по-видимому, также должен быть причислен к ядерным).

2.6.2.3. Комитативная конструкция

ОпрКК

Комитативной конструкцией (= КК) в языке L будем называть морфосинтаксическую конструкцию, используемую в данном языке для выражения множественного участника У ситуации С, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников У1 и У2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг.

Под выражениями, обозначающими участников У1 и У2, понимаются в первую очередь именные группы. В так называемых языках с местоименными аргументами [Jelinek 1984] соответствующие выражения представляют собой морфологические показатели в глаголе, кодирующие различные характеристики аргументов (лицо, число, одушевленность и т. д.). Мы, однако, будем в дальнейшем обобщенно называть любые выражения, обозначающие У1 и У2, именными группами.

Комитативную конструкцию в общем случае образуют четыре компонента. Три из них представляют собой *выражения*: предикат, обозначающий ситуацию С, и два выражения, обозначающие участников У1 и У2. Четвертый компонент КК — морфосинтаксическое средство (показатель), которое мы будем называть комитативным показателем.

2.6.2.4. Формально комитативные конструкции

Конструкции, удовлетворяющие определению ОпрКК, будут центральным предметом дальнейшего рассмотрения; это собственно комитативные конструкции, или КК в узком смысле.

Кроме того, для данного языка L нас будут интересовать все конструкции, в которых используется то же формальное средство, что и в собственно комитативных конструкциях, — формально комитативные конструкции (см. § 3.4 и Главу 5).

2.6.3. Прототипические комитативные конструкции

Существенным, но практически неизученным параметром межъязыкового варьирования является сочетаемость комитативных конструкций. Собственно КК в разных языках используются с некоторыми типами предикатов и не используются с другими. Так, русская КК с предлогом *с* не сочетается с ментальными предикатами, например *думать, знать: Петя раньше думал(,)* { **с Игорем* / ⁺*как и Игорь* }, *что Р*. Напротив, французская КК с предлогом *avec* ‘с’ сочетается с глаголом *penser* ‘думать’, ср.:

французский < РОМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Интернет]

(2.48) Thornton pense **avec Frommel** que *sala* vient de *aula* (lat.: hall) plutôt que de *salta* (lat. : danse).

Торнтон, как и Фроммель, думает, что [слово] sala происходит скорее от aula (лат. 'зал'), чем от salta (лат. 'танец').

В связи с этим встает вопрос об основаниях для межъязыкового сравнения. Необходимо найти точку соприкосновения между различными КК, надежный диагностический контекст, позволяющий выявлять КК в разных языках, по возможности независимо от их индивидуальной сочетаемости.

Такая точка соприкосновения, по-видимому, существует. Оказывается, есть класс предикатов, который с наибольшей вероятностью сочетается с произвольной КК. Это предикаты движения и позиции (предикаты, передающие такие смыслы, как *приходить*, *уходить*, *ходить*, *возвращаться*, *сидеть*, *стоять*, *лежать* и др.)¹. К ним также примыкают такие глаголы, как *жить* и *оставаться*.

Показательно, что, хотя это обстоятельство практически никем не эксплицируется, в определениях комитатива (см. 2.3.3) **в качестве примера** обычно используются именно конструкции с глаголами движения. Эта группа предикатов также представлена в большинстве примеров на комитатив в описательных грамматиках.

Можно утверждать, что всякая собственно комитативная конструкция сочетается с глаголами движения и позиции. В результате расширения сочетаемости «в обиход» КК могут попадать и другие классы предикатов. Так, в агульском языке КК с показателем *-qaj* образуется в первую очередь от глаголов движения; «возможны также глаголы совместной деятельности»; «первый этап грамматикализации — распространение сочетаемости на симметричные предикаты» [Мерданова & Плунгян 2002].

Таким образом, предложения вида *X пришел/пошел в (место) Z с Y-ом* могут служить **диагностическим контекстом** для выявления комитативных конструкций в произвольном языке.

2.7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Главе 2 были рассмотрены проблемы традиционных подходов к определению комитатива. Было показано, что комитатив как таковой необходимо последовательно отграничивать от понятий совместности и сопровождения, что определение комитатива не должно прямо обращаться к характеристикам агентивности, личности и второстепенности роли участника. Предложенное в разделе 2.6 рабочее определение комитативной конструкции опирается на понятия множественного участника и структурного ранга именной группы.

¹ Предикаты движения и позиции замечательны во многих отношениях; см., например, диссертацию [Майсак 2002], посвященную грамматикализации конструкций с этими предикатами в языках мира.

Глава 3. Формальная типология комитативных конструкций

3.1. ОБЩАЯ СТРУКТУРА КОМИТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ И ПАРАМЕТРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ

3.1.1. Элементы комитативной конструкции

Хотя во многих случаях поверхностные проявления комитатива на первый взгляд сводятся к одному только морфологическому (например, словоизменительному) или лексическому показателю, для получения адекватной общей картины необходимо рассматривать не один этот показатель, но в целом морфосинтаксическую конструкцию, которую он образует.

Собственно комитативная конструкция (КК) соответствует некоторой ситуации С, имеющей двух элементарных участников (ЭУ), семантическая роль которых в С одинакова. (Разумеется, у ситуации С могут быть и другие участники с другими ролями.) В прототипическом случае между ними есть различие коммуникативного плана: статус одного из ЭУ ближе к теме, статус другого — к реме.

Пусть в предложении ситуация С обозначается (синтаксическим) предикатом Пред. Выражения, обозначающие ЭУ, мы будем называть центральной ИГ (ЦИГ) и периферийной ИГ (ПИГ). Та ИГ, которая занимает более престижную синтаксическую позицию (например, подлежащего), и есть центральная; другая же ИГ, занимающая менее престижную синтаксическую позицию (например, косвенного дополнения), и/или несущая косвенное морфологическое маркирование, будет периферийной. Элементарный участник, обозначаемый центральной ИГ, будет в дальнейшем называться Ориентиром; ЭУ, обозначаемый периферийной ИГ — Спутником.

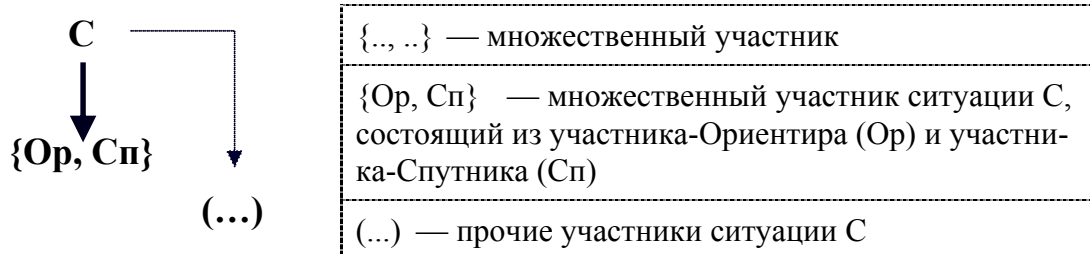

Рис. 3. Семантическая структура КК¹

3.1.1.1. Три структурных уровня плюрализации участника

В общем случае существует три способа передачи изображенной выше семантической структуры. Они различаются синтаксическим уровнем, на котором реализуется множественность участника.

Уровень именной группы

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, являются составляющими одной именной группы, которая подчиняется предикату Пред. Одно из них (периферийная ИГ) имеет косвенное маркирование.

¹ Здесь и далее на схемах изображается упрощенная структура зависимостей (см. § 3.4.2.1); в круглые скобки () заключается необязательный элемент конструкции.

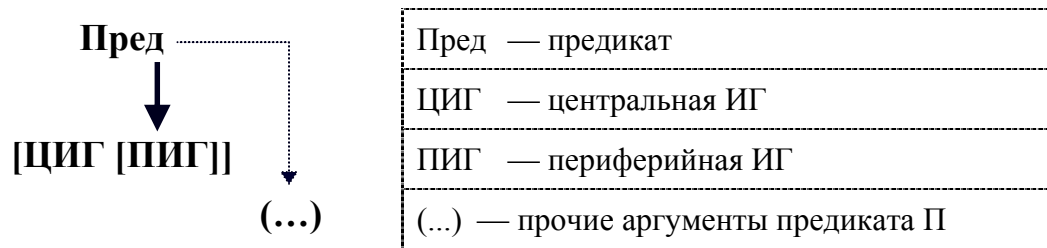

Рис. 4. Плюрализация на уровне именной группы

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[корп.: Солженицын]

(3.1) И [Клара [с Иннокентием]] тоже пошли за ними.

колымский юкагирский (изолят, Сибирь)

[Maslova 2003: (5-66b), 134]

(3.2) irk-in omni: modo-l'el pulut terike-de-n'e
 один-ATR семья сидеть-INFR(INTR:3SG) [старик старуха-POSS-COM]
Жила одна семья, старик со своей женой [= старухой].

Отметим, что в данном типе различия между ЦИГ и ПИГ чисто морфологические: с точки зрения синтаксиса обе ИГ ведут себя как сочиненные.

Уровень предикации

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, не образуют составляющей; каждое из них подчиняется предикату Пред. Одно из них занимает более периферийную позицию, чем другое.

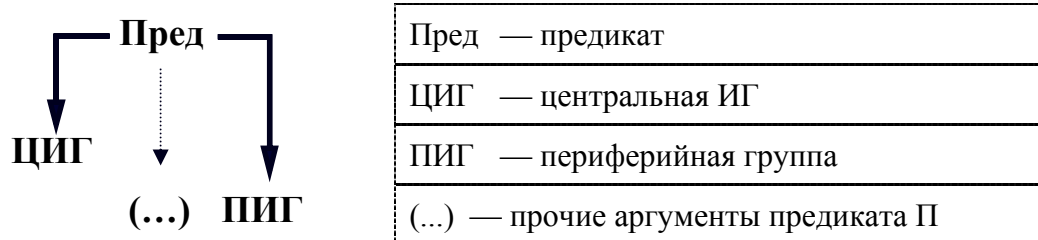

Рис. 5. Плюрализация на уровне предикации

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[корп.: Искандер]

(3.3) [Чик] поехал в Чегем [с маминым братом дядей Кязымом].

колымский юкагирский (изолят, Сибирь)

[Maslova 2003: (5-67a), 134]

(3.4) kie, met-n'e qon met numö-ŋin
 друг я-СОМ идти(IMP:2SG) мой дом-DAT
Друг, пойдём [= иди] со мной ко мне домой.

багвалинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Кибрик (ред.) 2001: (2.75), 176]

(3.5) waš jaš-ēna w=ā
 брат девочка-СОМ М=приходить
Пришел брат с девочкой.

Именно такое отражение семантической структуры [Рис. 33] оказывается в языках мира наиболее типичным из трех, хотя предыдущий способ — плюрализация в рамках единой ИГ — демонстрирует, казалось бы, более прямое соответствие семантической и синтаксической структур. К этому вопросу мы вернемся после рассмотрения последнего, третьего способа плюрализации.

Уровень предложения

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, входят в разные предикации, возглавляемые одноименными предикатами. Одна из предикаций подчиняется¹ другой.

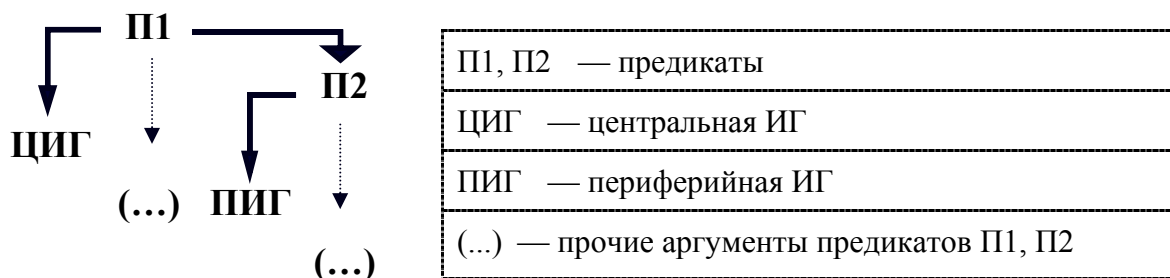

Рис. 6. Плюрализация на уровне предложения

багвалинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ [Кибрик (ред.) 2001: (5.244a), 589]

(3.6) maḤammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna rasul-i-r že-rā-X ek'a
 [Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV COP
 (Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

3.1.1.2. Уровень ИГ vs. уровень предикации

Не все три способа бывают одновременно доступны для реализации комитативной семантической структуры. Выбор может предписываться как языком в целом, так и определенными свойствами конкретной конструкции в данном языке.

Русский язык позволяет выбирать между единой ИГ (3.1) и соподчинением ИГ предикату (3.3). Помимо чисто коммуникативных факторов (положения референтов на теморематической шкале), на выбор влияет класс предиката, синтаксическая позиция ЦИГ и способ ее выражения (личные местоимения благоприятствуют конструкциям первого типа, с единой ИГ). Между тем, плюрализация на уровне предложения как способ выражения семантических структур вида [Рис. 33] в русском языке недоступно.

Во многих других европейских языках (кроме славянских), в частности, английском, французском, немецком, структурные возможности передачи комитативной семантики исчерпываются конструкциями на уровне предикации.

По имеющимся данным (ср. [Stassen 2000]), в языках, обладающих конструкциями обоих типов, конструкции на уровне ИГ являются производными от конструкций уровня предикации. По мнению Л. Стассена, конструкции уровня ИГ являются промежуточными стадиями на пути развития сочинения (подробнее см. § 4.2). Они характеризуются различными сочетаниями признаков из некоторого общего набора (контактное линейное расположение ЦИГ и ПИГ, согласование предиката «по сумме» ЦИГ и ПИГ, и т. д.).

В исследованной мной языковой выборке (около 80 языков), а также в выборке из 260 языков, использованной в работе [Stassen 2000] отсутствуют примеры языков, где использовались бы конструкции только уровня ИГ, но не уровня предикации.

К тому же конструкции с соподчинением ИГ сами имеют различные структурные подтипы (см. 3.1.3), и некоторые из них — в особенности, конструкции с вершинным маркированием — не служат основой для развития конструкций с единой ИГ.

¹ Здесь я упрощенно называю подчинением все то, что не является сочинением. На самом деле типы связи между предикациями, по-видимому, не исчерпываются этими двумя; так, С. Томпсон и Р. Лонгакр считают отдельными типами соположение (juxtaposition) и нанизывание предикаций (clause chaining) [Thompson & Longacre 1985].

В силу высказанных соображений я считаю конструкции уровня ИГ производным типом и не включаю их в число собственно комитативных конструкций (СКК). Они будут рассмотрены в разделе 4.2 и в ряду прочих формально комитативных конструкций (ФКК).

3.1.1.3. Уровень предикации vs. уровень предложения

Обратимся теперь к третьему способу выражения множественного участника — на уровне предложения. Известны языки, не допускающие в пределах одной предикации сочинения ИГ — чтобы передать соответствующий смысл, две ИГ должны быть аргументами каждая в своей предикации, при одинаковых предикатах. Ср. следующие примеры:

билохи < СИУ < АЛМОСАН-КЕРЕСИУ [Stassen 2000: (156), 43 < Dorsey & Swanton 1912: 22]

(3.7) aye'ki ûñk-tcu'-di a o'poítcka ûñk-tcu'-di СОЧИНЕНИЕ
 [кукуруза 1SG-сажать-PST] [картофель 1SG-сажать-PST] ПРЕДИКАЦИЙ ВМЕСТО ИГ
Я посадил кукурузу и картофель.

явапай < ЮМА < ХОКА [Stassen 2000: (157), 43 < Kendall 1976: 194]

(3.8) ma:-c m-yu ?ña-c ?-yu-e: hlo ?-ma:-c-km СОЧИНЕНИЕ
 [2-SUBJ 2-быть] [1-SUBJ 1-быть-DS] кролик 1-есть-PL-IPF ПРЕДИКАЦИЙ ВМЕСТО ИГ
Мы с тобой ели кролика [= будучи ты, будучи я, мы ели кролика].

Аналогично устроены полипредикативные структуры, передающие комитативную семантику (3.6): ЦИГ (в данном примере *rasulir* 'Расул [ЭРГ]') и ПИГ (*maHammadir* 'Магомед [ЭРГ]') занимают одинаковые позиции в двух предикациях с глаголом *žē* 'делать'. Отличие от примеров (3.7)–(3.8) состоит в том, что здесь только вторая из предикаций, содержащая связку, финитная; первая же, возглавляемая деепричастием, маркируется показателем *-(l)ēna* и подчиняется второй.

багвалинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ [Кибрик (ред.) 2001: (5.243, 5.244а), 588–9]

(3.9) s'e-bali, sajid-i-r naq'ira qa-rā-X-da-lēna, ФОНОВАЯ
 гость-PL [Саид-OBL-ERG гармошка играть-IPF-CONV-DA-COM] ПРЕДИКАЦИЯ
 L'e-rā-X ek'a
 танцевать-IPF-CONV COP
Гости, пока Саид играет на гармошке, танцуют.

(=3.6) maHammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna rasul-i-r že-rā-X ek'a
 [Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV COP
(Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

Диахронически исходным для багвалинского показателя *-(l)ēna* считается сентенциальное употребление, где он маркирует «фоновую предикацию» (которая может не иметь общих участников с главной предикацией) [Кибрик (ред.) 2001: 177]. В предложении (3.9) имеется главная предикация (*Гости танцуют*), и другая, служащая фоном для первой (*Саид играет на гармошке*). В отличие от семантической структуры [Рис. 33], где рассматривался множественный участник одной ситуации, здесь мы имеем дело с множественностью ситуаций.

Рассматриваемое употребление показателя *-(l)ēna* (3.6) является таким частным случаем сентенциального, в котором предикаты (и, возможно, некоторые участники) в главной и зависимой предикации совпадают. Из него, как предполагается, развились — пу-

тем сокращения повторяющегося материала в подчиненной предикации — несентенциальные комитативные конструкции типа (3.5) с соподчинением ИГ¹.

Выражение множественности участника на уровне предикаций не является основной функцией показателя *-(l)ēna*. В частности, она не зафиксирована в корпусе спонтанных текстов [Кибрик (ред.) 2001], в то время как другие употребления *-(l)ēna*, сентенциальные и несентенциальные, в нем представлены. Обычно для выражения комитатива в багвалинском языке используются конструкции уровня предикации.

Показатели, имеющие сходное с *-(l)ēna* происхождение и функции, известны и в других языках аваро-андийской группы. Несколько языков Сибири и Дальнего Востока имеют показатели комитатива, тождественные деепричастным показателям или тесно с ними связанные, т. е. один и тот же показатель маркирует периферийную ИГ в конструкции с соподчинением ИГ и фоновую предикацию в полипредикативной конструкции (см. разделы 3.2.3, 4.5.4). Однако о сентенциальном выражении комитатива в этих языках не сообщается.

Как и в случае конструкций уровня элементов ИГ, обнаруживается, что сентенциальные конструкции существуют только наряду с несентенциальными и не являются основным средством выражения комитатива. С другой стороны, основная их функция — выражение множественности ситуаций (главная vs. фоновая предикация), а не множественности участников.

Можно, однако, предполагать такую стадию развития сентенциальной конструкции, когда способность выражения комитатива она уже приобрела, а сокращение совпадающего материала в зависимой предикации еще не происходит. В такой гипотетической ситуации, конечно, можно было бы говорить о полноправной комитативной конструкции. На нынешнем этапе ввиду отсутствия достаточных данных мы не включаем полипредикативные структуры типа (3.6) в число собственно комитативных конструкций, однако показатели, аналогичные багвалинскому *-(l)ēna*, выделяются в особый подтип транскатегориальных маркеров (см. § 3.2.3).

Таким образом, в дальнейшем наше внимание будет сфокусировано на конструкциях уровня предикации (с соподчинением ИГ) — именно их мы считаем собственно комитативными конструкциями.

3.1.2. Комитативный маркер. Комитативная группа

3.1.2.1. Конструкции с зависимым маркированием

Итак, прежде всего нас интересуют конструкции, имеющие структуру [Рис. 55]. Стержнем всей конструкции является предикат, которому подчинены две ИГ, центральная и периферийная, причем ЦИГ занимает более привилегированную позицию в структуре предикации, чем ПИГ.

Оказывается, и внутри этого типа существует достаточное разнообразие. Рассмотрим для иллюстрации следующие предложения:

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

(3.10) Петя пришел к нам в гости **со своей** младшей дочерью. ПРЕДЛОГ + ПАДЕЖ

С: ‘Петя и его дочь пришли’

Пред: *пришел*

Ориентир: ‘Петя’

ЦИГ: *Петя*

Спутник: ‘дочь Пети’

ПИГ: *(со) своей младшей дочерью*

¹ Подробнее о происхождении и функциях показателя *-(l)ēna* см. § 3.2.3.

тамилский < ДРАВИДИЙСКИЕ

[Asher 1985: (146), 35]

(3.11) raaman naṅṅan-ooṭe vantaan ПАДЕЖ
 Раман друг-СОМ приходит. PST.3SG.M
Раман пришел с другом.

С: ‘Раман и его друг пришли’ Пред: vantaan
 Ориентир: ‘Раман’ ЦИГ: raaman
 Спутник: ‘друг’ ПИГ: naṅṅanooṭe

хауса < ЧАДСКИЕ < АФРАЗИЙСКИЕ

[Schwartz 1991: (6), 223]

(3.12) Audu ya gan-mu jiya da Binta «ЧАСТИЦА»
 Ауду 3.COMPL видеть-1PL.OBJ вчера СОМ Бинта
Ауду видел нас с Бинтой вчера. {меня и Бинту / нас и Бинту}

С: ‘Ауду видел меня/нас и Бинту’ Пред: gan(-mu)
 Ориентир: ‘я/мы’ ЦИГ: (-mu)
 Спутник: ‘Бинта’ ПИГ: (da) Binta

Маркирование

В трех приведенных примерах периферийные ИГ несут на себе комитативные маркеры: показатель особого комитативного падежа (тамилский, (3.11)), предлог, требующий определенной падежной формы (русский, (3.10)), или свободная морфема, функционирующая как предлог¹ (хауса, (3.12)). Предикат Пред и центральная ИГ не имеют особых маркеров комитативной конструкции. Все это примеры зависимостного маркирования (см. 3.2).

Выражение участников

В отличие от сочинительных конструкций, элементы комитативных конструкций могут быть не выражены самостоятельными ИГ. Так, в примере (3.12) Спутник выражен именем собственным, а Ориентир — местоименным показателем *-ми*.

Показатели этой серии («объектные местоимения» [object pronouns]) в хауса неотделимы от глагольной словоформы: между ними нельзя вставить даже модальные частицы, которые «по-видимому, могут встречаться в клаузы где угодно, только не внутри слова. Например, они могут отделять глагол от именного прямого дополнения, тогда как другие составляющие не могут» [Schwartz 1989/1988: 19].

Синтаксические функции ИГ

Во всех трех предложениях ПИГ занимает наименее престижную для ИГ позицию — косвенного дополнения. Что же касается центральной ИГ, то (3.10)–(3.11) она находится на противоположном конце шкалы, в самой престижной позиции — подлежащего, то в (3.12) ЦИГ является прямым дополнением.

3.1.2.2. Конструкции с вершинным маркированием

Существует, однако, немало языков, устройство комитативных конструкций в которых значительно отличается от рассмотренного выше типа. Ср. следующие примеры:

¹ Морфему *da* в хауса иногда называют частицей (particle); она выполняет преимущественно предложные и союзные функции. Аналогичную единицу в фула А. И. Коваль и Б. А. Нялибули называют «полифункциональным предложно-союзным словом» [Коваль & Нялибули 1997: 163].

абхазский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Шакрыл 1961]

(3.13) ажэ с-а-ц'ы-Ø-н
 корова 1SG.NOM-3SG.N.DAT-COM-быть-PST
Я пас корову [= я был с коровой].

(3.14) с-и-цы-Ø-н
 1SG.NOM-3SG.M.DAT-COM-быть-PST
Я был с ним.

С: 'Я пас корову' Пред: (сац'ын)
 Ориентир: 'я' ЦИГ: (с-)
 Спутник: 'корова' ПИГ: ажэ

С: 'Я был с ним' Пред: (сицын)
 Ориентир: 'я' ЦИГ: (с-)
 Спутник: 'он' ПИГ: (-и-)

абазинский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Табулова 1976: 188–189]

(3.15) б-х'ы-цы-г'и-гап'и
 2SG.F.NOM-1PL.DAT-COM-1PL.ERG-везти
Мы тебя (жен.) повезем с собой.

С: 'Мы повезем тебя с собой' Пред: (бх'ыцыг'и)-гап'и
 Ориентир: 'мы' ЦИГ: (-г'и-)
 Спутник: 'ты' ПИГ: (-х'ы-)

западно-гренландский < ЭСКИМОССКИЕ

[Stassen 2000: (76), 19 < Fortescue 1984: 215]

(3.16) miiqqa-t tiki-uti-nngil-akka
 ребенок-PL приходит-СОМ-NEG-1SG.A+3PL.P
Я не пришел с детьми.

С: 'наш неприход' Пред: tikiutinngilakka 'я не пришел с ними'
 Ориентир: 'я' ЦИГ: (-akka)
 Спутник: 'дети' ПИГ: miiqqat

Маркирование. Синтаксические функции ИГ

В абхазо-адыгских языках комитатив выражается специальными показателями в глаголе. Префикс *-ц(ы)-/-ц'(ы)-* повышает число валентностей глагола: одноместный глагол 'быть [кто: НОМ]' превращается в двухместный 'быть [кто: НОМ; с кем: ДАТ]' ((3.13)–(3.14)), а двухместный 'везти [кто: ЭРГ; кого: НОМ]' в трехместный '[кто: ЭРГ; кого: НОМ; с кем: ДАТ]' (3.15). Это пример стратегии вершинного маркирования: маркер связи размещается на синтаксическом хозяине (глаголе).

В аналогичной западно-гренландской конструкции суффикс *-uti-* также маркирует добавление глагольной валентности, но уже на прямое дополнение: непереходный глагол 'приходить [кто: НОМ]' становится переходным 'приходить с (кем) [кто: ЭРГ; с кем: НОМ]'.

При этом, как и в приведенных выше примерах (3.10)–(3.12), периферийная ИГ занимает менее престижную позицию, чем центральная. Но, если при зависимом маркировании ПИГ неизменно была косвенным дополнением, а ЦИГ имела один из более высоких рангов (подлежащее, прямое дополнение), то в данном случае ЦИГ неизменно занимает самую престижную позицию (подлежащего), тогда как ПИГ — одну из менее престижных (прямое дополнение, непрямоe дополнение).

Выражение участников

Заметим, что оба участника, Ориентир и Спутник, могут быть выражены не самостоятельными ИГ, а лишь согласовательными местоименными показателями, ср. (3.14)–(3.15) (Ориентир и Спутник), (3.13) и (3.16) (Ориентир). В то же время, при зависимом маркировании нулевое выражение может иметь предикат, ср. рус. *Не бойся, я Ø с тобой!*

Комитативная группа

Называя составляющую, в которой выражен в том или ином примере участник-Спутник, мы будем прибегать к условному ярлыку «комитативная группа» (КГ).

Если маркер комитатива синтаксически неотделим от именной группы, выражающей Ориентир (например, падежный показатель), или образует с этой ИГ составляющую (например, предлог/послелог), то комитативная группа включает указанную ИГ вместе с показателем комитатива. Так, в примере (3.10) КГ = *со своей младшей дочерью*.

Если же маркер комитатива выражен при предикате и не образует вместе с ИГ, выражающей Спутник, составляющую, то комитативная группа включает только эту ИГ и не включает показатель комитатива, напр. *miqqat* ‘дети’ в зап.-гренландском (3.11).

3.1.3. Структурные параметры комитативных конструкций

Первый структурный параметр, определяющий способ реализации КК в языках мира — локус маркирования комитатива, т. е. местонахождение показателя комитатива относительно элементов КК. По этому параметру КК разделяются на КК с вершинным маркированием, КК с зависимостным маркированием и другие типы (§ 3.2).

Второй параметр, или, точнее, группа параметров, отвечает за ограничения, касающиеся синтаксической функции элементов КК. Главным образом сюда входят ограничения на ранг центральной ИГ (например, КК может быть возможна только при ЦИГ-подлежащем) и на синтаксическую роль комитативной группы, которая обычно фиксирована для конкретной КК (§ 3.3).

Наконец, § 3.4 посвящен структуре формально комитативных конструкций (ФКК) — конструкций, использующих те же формальные средства (показатели), что и собственно комитативные, но для выражения другого содержания.

3.2. ЛОКУС МАРКИРОВАНИЯ КОМИТАТИВА

В комитативных конструкциях маркироваться может как связь между Ориентиром и Спутником, так и связь между Спутником и Ситуацией.

Можно выделить две основных стратегии — морфологическое и неморфологическое маркирование. При морфологическом маркировании комитативный маркер является морфологически несамостоятельным показателем — аффиксом, служебным словом — и присоединяется к одному из элементов конструкции, КГ или предикатной вершине. При неморфологическом маркировании комитативный показатель является самостоятельным словом (предикатом) и может возглавлять независимую предикацию.

Надежные случаи отсутствия выраженного маркирования (нулевого маркирования) в собственно комитативных конструкциях не зафиксированы, хотя полностью исключать такую возможность кажется преждевременным. КК с нулевым маркированием могли бы выглядеть подобно следующему примеру из североамериканского языка нутка¹ (ср. явное маркирование комитатива в нутка в (3.38)):

нутка < ВАКАШКИЕ < АЛМОСАН-КЕРЕСИУ

[Mithun 1999: (4), 188 < Nakayama 1997: 94]

(3.17) ?ana-u:-'aʎ-qu:-č na?uk ?um?i:qsu-?a·k

только-?-TEMP-COND-INFR есть мать-POSS

НУЛЕВОЕ
МАРКИРОВАНИЕ?

Он обычно ел один со своей матерью.

В любом случае нулевая стратегия маркирования для комитатива является не более чем маргинальной.

¹ Пример нуждается в тщательной проверке.

Каждая стратегия может быть разделена на несколько типов:

- 1) Неморфологическое маркирование:
 - a) Дополнительная предикация
 - i) маркированно подчиненная предикация (конверб)
 - ii) немаркированная предикация (коверб)
 - iii) маркированно подчиняющая предикация
- 2) Морфологическое маркирование:
 - a) Зависимостное маркирование
 - i) предлог/послелог (+ падеж)
 - ii) непадежный аффикс
 - iii) падеж
 - iv) сентенциальное маркирование
 - b) Вершинное маркирование
 - i) актантная деривация
 - ii) инкорпорация [в собственно КК не обнаружена]
- 3) Нулевое маркирование [в собственно КК не обнаружено]

Рассмотрим их более подробно.

3.2.1. Дополнительная предикация

В данной стратегии маркируется отношение между Спутником и Ориентиром. Спутник вводится при помощи отдельной предикации, так что центральная и периферийная ИГ являются ее ядерными актантами.

К. Леман и Й.-М. Шин выделяют две разновидности этой стратегии маркирования [Lehmann, Shin, unpublished: 24]. В одной из них дополнительный предикат эксплицитно морфологически оформляется как нефинитный и подчиненный (деепричастие, или конверб; см. [Haspelmath 1995]).

В другой разновидности дополнительный предикат не имеет никакого специального маркирования. Вслед за В. Бизангом в таких случаях мы будем говорить о сериализации: «Глагольная сериализация есть немаркированное соположение двух или более глаголов или глагольных групп (с подлежащим и/или дополнением или без оных), каждый(-ая) из которых мог(-ла) бы также сам(-а) по себе составить предложение» [Bisang 1995: 139]. К. Леман и Й.-М. Шин называют соответствующую немаркированную глагольную форму ковербом (coverb).

корейский < АЛТАЙСКИЕ

[Lehmann, Shin, unpublished: (53a), 32]

- (3.18) *ku-nun atul-ul teli-ko phathi-e ka-ss-ta* КОНВЕРБ
 3.SG-TOP [сын-ACC **сопровождать**-CONV] вечеринка-LOC уходить-PST-DECL КОМИТАТИВ
Он пошел на вечеринку со своим сыном.

китайский < КИТАЙСКИЕ
 < СИНО-ТИБЕТСКИЕ

[Lehmann, Shin, unpublished: (27), 24 < Luo 1999: 4;
 Hagège 1975: (2107), 319; Li & Thompson 1981: (32b), 364]

- (3.19) *Lisi gēn tàitai qù yīyuàn* СЕРИАЛИЗАЦИЯ
 Лисы [следовать/СОМ жена] уходить больница КОМИТАТИВ
Лисы отвез жену в больницу.

- (3.20) *Jin Gui biàn gēn Yu Feng zǒu le* СЕРИАЛИЗАЦИЯ
 Цзинь Гуй тогда следовать/СОМ Юй Фэн уходить ASP КОМИТАТИВ
Тогда Цзинь Гуй ушел с Юй Фэн..

(3.21)	jǐngchá	gēn-le	tā	sān tiān	le	НЕЗАВИСИМОЕ
	полиция	следовать/СОМ-PF	3	три день	ASP	УПОТРЕБЛЕНИЕ
	<i>Полиция преследовала его три дня.</i>					

Особенность китайской конструкции в том, что, хотя предикат *gēn* не имеет выраженного маркирования подчиненности или нефинитности, он не может принимать некоторые показатели, которые доступны для главного предиката *qù* (например, аспектуальный маркер *zhe*).

По мнению Ч. Ли и С. Томпсон, можно предполагать, что исторически сериальные конструкции восходят к структурам типа (3.22), фактически состоящим из двух последовательных предикаций. Со временем первая предикация стала подчиненной, а во второй предикации субъектная и объектная ИГ подверглись опущению в силу кореферентности с соответствующими ИГ первой предикации. Наконец, глагол бывшей первой предикации начинает функционировать как предлог, а его объект становится аргументом второго глагола [Li & Thompson 1974: 210]:

(3.22)	[NP1	[V1	NP2]]	[(NP1)	[V2	(NP2)]]	>	[S	[V1	O]	V2]	>
	> [S падежный_маркер O V]											

Существует и третья разновидность данной стратегии, не отмеченная К. Леманом и Й.-М. Шин. Например, в ительменском языке личные местоимения не имеют комитативного падежа¹, и для построения КК с личным местоимением используется аналитическая конструкция с глаголом *ч'е?льес* 'быть [совместно] с кем-то'. Основной глагол при этом употребляется в деепричастной форме на *-ки/-ка*:

ительменский < чуКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ	[Володин 1976: (29), 161]				
(3.23)	кǎмма	ǎнна	т-ч'е?ль-чен	к'оль-ки	ПОДЧИНЯЮЩАЯ
	1SG	[3SG	1SG.A-быть.с-3SG.P]	приходить-CONV	ПРЕДИКАЦИЯ
	<i>Я пришел с ним.</i>				

Таким образом, в третьей разновидности уже смысловой предикат получает выраженное морфологическое маркирование подчиненности, тогда как предикат, вводящий комитативного участника, выступает в финитной форме.

3.2.2. Морфологическое маркирование

В стратегиях второго типа используется не самостоятельный предикат, а морфологический показатель (аффикс, предлог/послелог), маркирующий связь между Спутником и Ситуацией. Внутри данной стратегии важное разделение проходит между вершинным и зависимостным типом маркирования.

3.2.2.1. Вершинное vs. зависимостное маркирование

Противопоставление вершинной и зависимостной стратегии маркирования (head-marking vs. dependent-marking) было введено в типологический обиход Джоанной Никольс [Nichols 1986]. Суть его заключается в следующем: при наличии морфологически выраженной синтаксической зависимости между двумя элементами показатель связи между ними может выражаться при главном элементе, т. е. вершине (стратегия вершинного маркирования), либо при зависимом элементе (стратегия зависимостного маркирования). Так, зависимость одного имени от другого может маркироваться при

¹ У существительных в ительменском имеются два комитативных падежа и абэссив (лишительный падеж).

определяющем имени, как в рус. *дом отца-а*, или при главном, как в персидском *xane-ye pedār* <дом-1ZAF отец> ‘дом отца’ [Плунгян 2000: 185].

В некоторых случаях обе стратегии могут реализовываться одновременно, как в хакасском *abā-m-nəŋ abā-zā* <отец-1SG-GEN отец-3SG> ‘мой дед’ [собс.], букв. ‘отца-моего отец-его’, что позволяет говорить о двойном маркировании.

Еще один из неглавных типов маркирования, выделяемых Никольс, — нейтральное маркирование, при котором местоположение маркера синтаксического отношения (скорее всего, клитики) не зависит от направления этого отношения: такая частица может присоединяться то к вершине, то к зависимому в силу, например, порядка слов в конкретном предложении. Кроме того, синтаксическая зависимость может вообще не иметь морфологического выражения (нулевое маркирование), как в китайском *wǒ tānā* ‘моя мама’, букв. ‘я мама’.

Пример из области предикатно-аргументных отношений: наличие и/или тип зависимости актанта от предиката (семантическая и/или синтаксическая роль) может выражаться при самом аргументе (зависимом) с помощью падежных средств, или же при предикате (вершине) с помощью показателей актантной деривации (семантическая роль), согласования (синтаксическая роль) и др.

Аналогичным образом, применительно к комитативным конструкциям, предложное (послеложное) и/или падежное маркирование комитатива противопоставляется в первую очередь показателям комитативной актантной деривации. Иллюстрацией могут служить пример (3.10) для зависимостной техники маркирования и (3.11), (3.15) для вершинной техники.

Как будет показано в разделе 3.3, различия в технике (локусе) маркирования комитатива тесно связаны с синтаксическими свойствами комитативной конструкции в целом.

3.2.2.2. *Вершинное и зависимостное маркирование комитатива*

Вершиной в комитативной конструкции является предикат, которому подчиняются две ИГ — центральная и периферийная. Из них, по-видимому, только одна — периферийная — может быть локусом (зависимостного) маркирования конструкции.

Как следует из определения комитативной конструкции, ЦИГ и ПИГ должны существенно различаться структурным рангом; одним из способов достижения структурной асимметрии является асимметрия в их маркировании. Если в КК реализуется зависимостное маркирование, то на периферийной ИГ; центральная же сохраняет то оформление, которое она имела бы и в отсутствие ПИГ, то есть вне комитативной конструкции.

Более того, при зависимостном маркировании имеет смысл определять периферийную ИГ как ту, которая получает комитативное маркирование, а центральную — как ту, которая его не получает. Другие же критерии разделения ЦИГ и ПИГ, скажем, семантические, оказываются часто неприменимыми и могут давать неопределенный результат либо диаметрально противоположные результаты.

Кажущийся источник затруднений — примеры с дублированием комитативного показателя — могут быть объяснены без ущерба для высказанного выше утверждения. Дублирование комитативного показателя на двух ИГ может означать, что наблюдаемая конструкция является **сочинительной комитативной конструкцией** (см. 4.2).

Интересный случай наблюдается в якутском языке [Харитонов 1982]: здесь оба показателя комитатива (субъектный и объектный) могут дублироваться, при этом предпочтительно употребление обобщающего слова и/или квантификатора (‘все’, ‘всё’, ‘целиком’ и под.).

якутский < ТЮРКСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ	[Харитонов 1982]
(3.24) элиэ- лиин , тураах- тыын , кус- туун , коршун-СОМ ворона-СОМ утка-СОМ хаас- тыын — кэтөр барыта кэлбит гусь-СОМ птица все приходит <i>И коршуны, и вороны, и утки, и гуси — птицы прилетели все.</i>	ПОВТОРЕНИЕ СУБЪЕКТНОГО КОМИТАТИВА
(3.25) от- туун - мас- тыын барыта кэбөрөн... травя-СОМ дерево-СОМ всё зазеленело <i>Травы-деревья все зазеленели, {и вся земля чудесно похорошела}.</i>	ПОВТОРЕНИЕ СУБЪЕКТНОГО КОМИТАТИВА
(3.26) быһаҕ-ы кыын-нары аҕал нож-АСС ножны-СОМ.ОВЈ приносить <i>Принеси нож [вместе] с ножнами.</i>	ОБЪЕКТНЫЙ КОМИТАТИВ
(3.27) сирэй- дэри - харах- тары бүтүннүү бадараан чыммыт лицо-СОМ.ОВЈ — -СОМ.ОВЈ целиком грязью пачкать <i>Он измазал все лицо в грязи.</i>	ПОВТОРЕНИЕ ОБЪЕКТНОГО КОМИТАТИВА

Можно предположить, что конструкция с обобщающим словом или квантификатором является промежуточным звеном между комитативной конструкцией и сочинительной КК с двойным комитативным маркером. Центральная ИГ реализуется как обобщающий элемент, покрывающий референцию двух (или более) комитативных групп. Самостоятельное употребление комитатива (как двойного, так и одинарного) в данном случае можно рассматривать как случаи опущения ЦИГ.

Вероятно, источником для конструкций с повторением комитативного маркера в якутском может быть следующая структура:

(i) [[X-сом (Y-сом ...)] A UQ],

где A — центральная ИГ, UQ — универсальный квантификатор (со значением 'все', 'весь', 'целиком' и под.), X и Y — периферийные ИГ, референты которых входят в референт центральной ИГ. Такая конструкция имеет интерпретацию вида: 'все A, включая и X (и Y, и т. д.)'.

Для того, чтобы могла возникнуть структура (i), комитативный показатель должен употребляться в присоединительных контекстах ('включая X'). Это требование в якутском языке соблюдается: как отмечает Л. Н. Харитонов, в «народном разговорном языке» форма объектного комитатива на *-лары* издавна широко используется «в роли слова наречного типа, обладающего присоединительным оттенком значения», ср.:

якутский < ТЮРКСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ	[Харитонов 1982]
(3.28) унуох- тары ыйыһын- кость-СОМ.ОВЈ проглотить <i>проглотить (напр., мясо) вместе с костью</i>	ОБЪЕКТНЫЙ КОМИТАТИВ БЕЗ ЦИГ
(3.29) быйыл сайын- нары тымныы буолла в.этом.году лето-СОМ.ОВЈ холод становится.PST <i>В нынешнем году и летом стало холодно.</i>	ОБЪЕКТНЫЙ КОМИТАТИВ
(3.30) күнүс- тэри утуйар день-СОМ.ОВЈ спать <i>Он спит и днем (даже днем).</i>	ОБЪЕКТНЫЙ КОМИТАТИВ БЕЗ ЦИГ

(3.31) түүн-нэри – күнүс-тэри

ночь-СОМ.ОВЛ день-СОМ.ОВЛ

*и ночью, и днем.*ПОВТОРЕНИЕ ОБЪЕКТНОГО
КОМИТАТИВА БЕЗ ЦИГ

Такое соотношение Ориентира и Спутника, когда Спутник является частью (или подмножеством) Ориентира, не вполне соответствует обычной комитативной конструкции, но нередко реализуется с помощью комитативных показателей; ср. рус. *залезть на диван с ногами*.

Но целое часто можно восстановить по его части: с костью можно проглотить мясо или рыбу; день является частью суток, и т. п. Благодаря этому центральная ИГ может опускаться.

Таким образом, для конструкций с повторением комитативного маркера можно предположить следующие стадии развития ((ii)→(iv)):

(ii) [[X-com] A]

‘А, включая X’

(iii) [[X-com Y-com] A UQ]

‘все / весь А, включая и X, и Y’

(iv) [X-com Y-com]

‘(и) X и Y’

3.2.3. Сентенциальное маркирование

Особая возможность морфосинтаксического оформления КК представлена в нескольких дагестанских языках, а именно в аварском, чамалинском, годоберинском и багвалинском ([Kibrik (ed.) 1996], [Кибрик (ред.) 2001], [Maisak 2000]). В этих языках комитативные частицы присоединяются к ИГ в различных падежах (ср. (3.32), (3.33)); кроме того, они могут присоединяться и к сентенциальным составляющим, а именно деепричастным оборотам (3.34). Общий компонент семантики в сентенциальном и несентенциальном употреблении составляет «значение добавочности или фона: деепричастный оборот обозначает действие, фоновое по отношению к выраженному в главном предложении, а вводимая данным показателем ИГ — фонового участника ситуации» [Кибрик (ред.) 2001: 594].

багвалинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ <
СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Кибрик (ред.) 2001: (2.75–76), 176–7; (5.244а), 589]

(3.32) waš jaš-ēna w=ā
брат девочка-СОМ М=приходить

НОМИНАТИВ + КОМ

Пришел брат с девочкой.(3.33) maḤammad-i-r rasul-i-r-ēna awal žē-rā-X ek'a
Магомед-OBL-ERG Расул-OBL-ERG-COM дом делать-IPF-CONV COP

ЭРГАТИВ + КОМ

Магомед с Расулом строят дома {параллельно каждый свой}.(3.34) maḤammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna rasul-i-r že-rā-X ek'a
[Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV COP*(Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.*

КЛАУЗА + КОМ

Частицы *-ēna* и *-lēna* не являются ни падежными маркерами, так как присоединяются, среди прочего, к показателям падежей (других случаев «двойного падежа» в багвалинском языке не отмечено), ни послелогоми, так как в отличие от обычных багвалинских

последлогов не управляют никаким фиксированным падежом. Предполагается, что частица *-lēna* происходит из стяжения сочинительной частицы *-la* и клитики *-ēna*, которая могла служить синтаксическим показателем зависимой предикации. Присоединительная частица *-la* усматривается также в составе функционально аналогичных багвалинскому *-lēna* годоберинского показателя *-lali* и чамалинского *-lač'ā*.

В грамматике багвалинского языка [Кибрик (ред.) 2001] предложения с частицей *-(l)ēna* при косвеннопадежных формах имени (3.33) рассматриваются как предложения с деепричастным оборотом, все члены которого, кроме зависимого имени, подверглись сочинительному сокращению:

багвалинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ [Кибрик (ред.) 2001: (5.255a'), 593]

(3.35) maḤammad-i-r [rasul-i-r awal la žē-rā-X-ēna] awal žē-rā-X ek'a
 M.-OBL-ERG P.-OBL-ERG дом LA — делать IPF CONV-COM дом делать-IPF-CONV COP

Магомед с Расулом строят дома {параллельно каждый свой}. СОЧИНИТ. СОКРАЩЕНИЕ

Такой подход объясняет сразу несколько фактов, относящихся к сочетаемости показателя *-(l)ēna*, подтверждая гипотезу о его происхождении из сочетания клитики *-ēna* и сочинительной частицы *-la*.

«Функции показателя *-(l)ēna* в деепричастной конструкции наиболее ясно видны при деепричастиях НСВ: прибавление *-(l)ēna* [...] превращает деепричастную конструкцию из сочинительной в подчинительную [...]. Такой вывод позволяет сделать применение к предложениям типа (5.244a) тех же тестов на сочинение/подчинение, что были применены к деепричастным конструкциям НСВ [...]. Данный контраст между деепричастными конструкциями с *-(l)ēna* и без этого показателя говорит о том, что *-(l)ēna* привносит смысл второстепенности действия, выраженного деепричастием.» [Кибрик (ред.) 2001: 592].

Транскатегориальные показатели типа *-(l)ēna*, с одной стороны, представляют зависимый тип маркирования, аналогично падежным (ср. (3.32)); с другой стороны, их способность оформлять составляющую, причем предикативную, заслуживает отдельного внимания и выделения в особый, сентенциальный подтип внутри зависимостного маркирования.

3.2.4. Инкорпорация

3.2.4.1. О возможности инкорпорации комитативной группы

Особую опцию кодирования представляет собой инкорпорация периферийной ИГ внутрь предиката, в результате чего и вершина, и зависимое, и показатель комитатива оказываются частями одной словоформы. Дж. Никольс [1986] причисляет инкорпорацию к вершинному типу маркирования.

Для ряда смежных явлений (в частности, инструменталиса) инкорпорация является весьма распространенной техникой кодирования. Однако инкорпорация комитативного участника — чрезвычайно редкое явление.

Как отмечает К. Леман [Lehmann & Shin, unpublished], это объясняется высоким положением комитативных участников на шкале агентивности и эмпатии: «Возможность инкорпорации в различных языках отрицательно коррелирует с агентивностью и эмпатией. Наиболее часто инкорпорируемые участники — Пациент и Инструмент. [...] Комитатив обладает низкой степенью 'инкорпорируемости' [incorporability], поскольку он чаще всего обладает эмпатией и воспринимается как ко-Агент» [там же: 42].

Примеров собственно комитативных конструкций, где периферийная ИГ инкорпорируется бы внутрь глагольной словоформы, в моей выборке не встретилось. Однако

полностью исключать возможность такой конструкции пока представляется преждевременным. Известны два австралийских языка, применяющие инкорпорацию для кодирования функции, которая в других языках выражается с помощью КК,— копредикативной (см. 3.4.3).

В полисинтетическом языке тиви [Osborne 1974] обычные непереходные глаголы не могут иметь ни прямого, ни инкорпорированного дополнения (в отличие от переходных). Однако несколько частотных глаголов (*идти, сидеть, вставать*) могут инкорпорировать неодушевленное «комитативное» дополнение с показателем *mari-* ‘с’. При этом у нескольких существительных имеется особый вариант основы, выступающий при инкорпорации.

тиви < тиви

[Osborne 1974: 47]

(3.36) *ji-u'li*

он-уходить

Он ушел.

(3.37) *jii-mari-ŋiliwantuŋ-u'li*

он-СОМ-валлаби-уходить

Он взял [= унес] валлаби¹. [= Он ушел с валлаби.]

Отмечу, что данную конструкцию в тиви нельзя считать собственно комитативной, поскольку она не используется в контекстах равноправного участия (*брат ушел с сестрой*): эти контексты кодируются простым соположением двух ИГ. В приведенном примере реализована копредикативная конструкция (см. 3.4.3.1). Аналогичная конструкция имеется в языке маяли (< ГУНВИНГУ) [Evans 1997: 410].

3.2.5. Типы маркирования как этапы грамматикализации

Комитативные показатели, как и другие грамматические показатели, связаны с разнообразными **путями грамматикализации**: единицы определенных формальных классов и определенной семантики имеют тенденцию со временем эволюционировать в комитативные маркеры, а те в свою очередь развиваются в показатели других типов.

При этом случается, что две единицы, исторически представляющие собой один и тот же показатель, формально относятся к разным классам и реализуют различные типы (или разновидности) маркирования; границы между типами не являются стопроцентно четкими.

Например, такие типичные зависимостные маркеры, как пред-/послелого, часто являются результатом развития деепричастий (конвербов) и сериальных глаголов (ковербов): «сериальная конструкция с соположением [...] реанализируется [...] как зависимостная конструкция, в которой будущий пред-/послелог зависит от глагола, с которым ранее был на равных. Одновременно коверб теряет все словоизменительные характеристики, которые у него могли быть, т. е. теряет свойства глагола» [Lehmann 1982/2002: 93; см. тж. 92–95].

Ср. замечание М. Митун о КК в языке нутка: «[решение о том,] рассматривать ли [следующий пример] как простое или сложное предложение, зависит от того, анализируется ли последнее слово как предикат ‘быть с’ или как падежный показатель ‘с’»:

нутка < ВАКАШКИЕ < АЛМОСАН-КЕРЕСИУ

[Mithun 1999: (2), 261 < Nakayama 1997: 78]

(3.38) *taps-ʔatu*

нырять-погружаться.в.воду

Кавикаатль нырнул в море [вместе] с морским львом.

qawiqatʔ

Кавикаатль

tuku:k

морской.лев

ʔu-kʷink

3SG-СОМ

ДОП. ПРЕДИКАЦИЯ

ИЛИ ПАДЕЖ

¹ Один из карликовых видов кенгуру.

Также хорошо известно, что послелогои являются одним из важнейших диахронических источников падежных показателей (см., например, [Майтинская 1979] о происхождении падежей в финно-угорских языках, [Боргояков 1976] о хакасском и других тюркских языках; [Lehmann 1982/2002: 70–77]).

К послелогам, в частности, восходят комитативные аффиксы *-ke/-ge* в марийском, *-ke* в карельском и вепском, *-ked* в коми (ср. финский послелог *kerä* ‘с’); ливский *-ks*, эстонский *-ga*, водский *-ka/-kã*, ижорский *-(ŋ)kã/-(ŋ)kã* (ср. финский послелог *kanssa* ‘с’) [Майтинская 1979]. Во многих современных тюркских языках инструментально-комитативные аффиксы, как предполагается, восходят к послелогу **birlen* ‘вместе с’ (напр. шорский *-ба*, чувашский *-па(ла)*, караимский *-ба*, казахский *-мен*, чулымский *-б(ы)ла* [Боргояков 1976]). В современном турецком языке соответствующий показатель существует в двух видах: как послелог *-ile* и как падежный суффикс *-la/-le*, ср. *Elif ile* ‘с Элифом’ vs. *Elif-le* ‘<то же>’ [Lehmann 1982/2002: 28, 30].

С другой стороны, пред-/послелогои могут развиваться в деривационные глагольные показатели путем переразложения сочетаний глаголов с предложными группами. Рассмотрим комитативно-инструментальный предлог *nda* и производные глаголы с суффиксом *-nda* в языке сонгаи:

сонгаи < НИЛО-САХАРСКИЕ

[Heath 1999: (171), §5.11.4; (202ab), (204ba), §6.2.5]

- (3.39) ay n-a kar [nda gaabi] ПРЕДЛОГ
 1SG TR-3SG ударить INS/COM сила
Я ударил его с силой.
- (3.40) a koy-nda agey hendi ra ГЛАГ. ПОК-ЛЬ
 3SG идти-INS/COM 1SG.OBJ там LOC
Он отвел меня туда [= Он пошел со мной туда].
- (3.41) ay goo-nda [a ga] garow ГЛАГ. ПОК-ЛЬ
 я быть-INS/COM [3SG на] кредит
*Он должен мне (денег) [=У меня на него есть кредит, букв.
 Я с кредитом на нем].*

Здесь в примере (3.39) служебное слово *nda* выступает в своей первичной функции инструментально-комитативного предлога. В примере (3.40) *nda* располагается контактно со своим местоименным аргументом *agey* ‘я (жен.)’, но «фонологически сливается с глаголом». Наконец, в примере (3.41) *nda* непосредственно следует за глаголом, несмотря на разрыв с зависимой ИГ: от *garow* ‘кредит’ его отделяет послеложная группа.

Как сообщает Дж. Хит, *nda* в функции глагольного суффикса образует переходные глаголы; так, из глаголов бытия образуются глаголы со значением обладания (*goo* ‘быть’ — *gonda* ‘иметь’, *sii/šii* ‘не быть’ — *sinda/šinda* ‘не иметь’), из глаголов движения — каузативные глаголы перемещения (*kaa* ‘приходить’ — *kanda* ‘приносить’), и т. п. [Heath 1999: §6.2.5].

Таким образом, при отнесении предлога/послелога к маркерам зависимостного типа следует соблюдать осторожность: в случае типа (3.40) мы можем иметь дело с более или менее грамматикализированным перемещением бывшего предлога/послелога к глагольной вершине.

Еще одной нередкой особенностью предлогов/послелогов является возможность (или обязательность) их согласования со своим аргументом, ср. примеры из марийского языка:

марийский < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ

[инф.]

(3.42) jəvan dene;	məj dene-m;	təj dene-t
Иван INS/COM	я INS/COM-POSS.1SG	ты INS/COM-POSS.1SG
<i>с Иваном</i>	<i>со мной</i>	<i>с тобой</i>

Более того, аргумент предлога/послелого может быть выражен только «согласовательным» показателем, как в следующих примерах из двух америндских языков:

пипил < ЮТО-АЦТЕКСКИЕ < ЦЕНТРАЛЬНО-АМЕРИНДСКИЕ

[Campbell et. al. 1986: 545]

(3.43) nu-wan;	mu-wan;	i-wan
POSS.1SG-INS/COM	POSS.2SG-INS/COM	POSS.3SG-INS/COM
<i>со мной</i>	<i>с тобой</i>	<i>с ним / с ней</i>

чол < МАЙЯ < ПЕНУТИ

[Campbell et. al. 1986: 545]

(3.44) k-ik'ot;	aw-ik'ot;	y-ik'ot
POSS.1SG-INS/COM	POSS.2SG-INS/COM	POSS.3SG-INS/COM
<i>со мной</i>	<i>с тобой</i>	<i>с ним / с ней</i>

3.3. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В языках, для которых релевантно понятие подлежащего¹, в большинстве употреблений собственно комитативных конструкций центральная ИГ является именно подлежащим, т. е. занимает наиболее привилегированную синтаксическую позицию. Поэтому существенным параметром для различения типов КК становится наличие и характер ограничений на другие, неподлежащие позиции ЦИГ. Эти ограничения существенным образом коррелируют с локусом маркирования комитатива.

В конструкциях с дополнительной предикацией для ЦИГ допустима только позиция подлежащего. Видимо, это связано с тем, что ЦИГ в таких конструкциях исходно является аргументом двух предикатов: смыслового и комитативного, причем одно из вхождений ЦИГ опускается в силу кореферентности. Кореферентное опущение, между тем, доступнее всего для ИГ, которая в обеих предикациях занимает наиболее престижную позицию.

Позиция периферийной ИГ также фиксирована: это прямое дополнение комитативного маркера-предиката. Если комитативный маркер рассматривать как предлог/послелог (в сериальных конструкциях), то ПИГ занимает позицию косвенного дополнения при главном предикате.

В КК с зависимым маркированием КГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию — косвенного дополнения. Центральная ИГ, напротив, имеет большую свободу: она может быть не только подлежащим, но и прямым или непрямым дополнением.

хауса < ЧАДСКИЕ < АФРАЗИЙСКИЕ

[Schwartz 1991: (1), 222; (6), 223; 1989/1988: (19a), 8]

(3.45) mun je	Kano da	Audu	ЦИГ-ПОДЛЕЖАЩЕЕ
1PL.SUBJ	уходить	Кано сом	Ауду
<i>Мы пошли в Кано с Ауду. {я и Ауду / мы и Ауду}</i>			

¹ См. § 2.6.2.2, [Кибрик 2000/2003] о языках без синтаксических отношений.

- (3.46) Audu ya gan-mu jiya **da** Binta ЦИГ-ПРЯМ. ДОП.
 Ауду 3.COMPL видеть-1PL.OBJ вчера **СОМ** Бинта
Ауду видел нас с Бинтой вчера. {меня и Бинту / нас и Бинту}
- (3.47) Audu ya: ba mù abinci **da** Binta ЦИГ-НЕПРЯМ. ДОП.
 Ауду 3М давать 1PL еда **СОМ** Бинта
Ауду дал нам с Бинтой еды. {мне и Бинте / нам и Бинте}

В марийском языке комитатив чаще всего выражается с помощью инструментально-комитативного послелога *dene*. Этот показатель используется только при ЦИГ-подлежащем ((3.48)–(3.50)-а). Существует, однако, более древний комитативный показатель *-ge*. Он употребляется значительно реже и имеет дополнительное эмфатическое значение ('и X тоже'). Интересно, что если при предикате возможен дативный аргумент, то в конструкции с *-ge* именно он интерпретируется как центральная ИГ ((3.50)-б); в противном случае выбирается прямое дополнение ((3.49)-б), иначе — подлежащее ((3.48)-б).

марийский < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ [собс.]

- (3.48) а. tudo jəvan **dene** čodəra-ške kaj-en-ət ЦИГ-ПОДЛЕЖ.
 3SG Иван **СОМ** лес-LAT уходить-PST-3PL

Он пошел в лес с Иваном.

- б. maj jəvan-ge čodəra-ške kaj-en-na ЦИГ-ПОДЛЕЖ.
 1PL Иван-СОМ.ЕМРН лес-LAT уходить-PST-1PL

Мы с Иваном пошли в лес.

- (3.49) а. (maj) savar-əm šol'om **dene** čijalt-en-am ЦИГ-ПОДЛЕЖ.
 1SG забор-ACC мл.брат **СОМ** красить-PST-1SG

Я покрасил забор с младшим братом {мы с братом покрасили}.

- б. [?](maj) (savar-əm) šol'om-ge čijalt-en-am ЦИГ-ПРЯМ.
 1SG (забор-ACC) мл.брат-СОМ.ЕМРН красить-PST-1SG ДОП.

Я (и забор,) и брата покрасил. / Мы с братом покрасили забор.*

- (3.50) а. me ačam-lan jəvan **dene** ru-əm kond-en-na ЦИГ-ПОДЛЕЖ.
 1PL отец-DAT Иван **СОМ** дрова-ACC приносить-PST-1PL

Мы с Иваном привезли отцу дрова.

- б. me (ačam-lan) kovam-ge ru-əm kond-en-na ЦИГ-
 1PL (отец-DAT) бабушка-СОМ.ЕМРН дрова-ACC приносить-PST-1PL НЕПР.
 ДОП.

Мы (и отцу,) и бабушке привезли дрова.

При зависимостном маркировании комитативная конструкция менее жестко связана с предикатом. Поскольку маркер комитатива находится в периферийной ИГ, ее синтаксический хозяин никак явным образом не указывается. Благодаря этому КК с зависимостным маркированием могут иметь такие формально комитативные употребления, в которых предикат-хозяин ЦИГ не является синтаксическим хозяином периферийной ИГ (см. § 3.4.3).

В некоторых случаях трудно установить, является ли конструкция с ЦИГ-дополнением собственно комитативной. Так, в русском языке при обычном порядке слов существует неоднозначность между сочинительной комитативной конструкцией (см. § 3.4.3.8, § 4.2) и собственно комитативной. Разрешить эту неоднозначность можно только с помощью синтаксических тестов, например на линейный разрыв:

- (3.51) а. Он дал [Маше с Петей] двести рублей. СКК или КК?
 б. *Он дал Маше двести рублей с Петей. *СОБСТВЕННО КОМИТАТИВ
- (3.52) а. Вчера я видел Машу с Петей. СКК или КК?
 б. *Машу я видел вчера в театре с Петей. СОБСТВЕННО КОМИТАТИВ

Как показывают данные истории русского языка (см. 4.2.3), именно контексты типа (3.51)–(3.52) — с контактными расположением ЦИГ и КГ в позиции, не контролирующей глагольное согласование — могли послужить промежуточным этапом возникновения сочинительных комитативных конструкций.

Возникает вопрос, является ли КГ семантическим актантом или сирконстантом (обстоятельством) вершинного предиката. При зависимостном маркировании КГ полностью факультативна, не присутствует в модели управления предиката и должна быть отнесена к сирконстантам. С другой стороны, семантическая роль соответствующего участника (Спутника) совпадает с ролью одного из ядерных актантов. Еще более остро этот вопрос встает в отношении КК с вершинным маркированием. Вершинные показатели комитатива маркируют добавление **обязательной** синтаксической валентности на прямое (3.53) или не прямое (3.54)–(3.55) дополнение; ЦИГ занимает позицию подлежащего.

номацигенга < АРАВАКСКИЕ < ЭКВАТОРИАЛЬНЫЕ

[Wise 1990: (24), 95]

- (3.53) i-pi-**ak**-ak-a-ri ПРЯМОЕ ДОП.
 3М-превращаться-СОМ/CAUS-PF-NONFUT.REFL-3М
Он исчез (вместе) с ним.

абхазский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Шакрыл 1961]

- (3.54) ажә с-**а-ц'ы**-Ø-н НЕПРЯМ.
 корова 1SG.NOM-3SG.N.DAT-СОМ-быть-PST ДОП.
Я пас корову [= я был с коровой].
- (3.55) с-**и-цы**-Ø-н НЕПРЯМ.
 1SG.NOM-3SG.M.DAT-СОМ-быть-PST ДОП.
Я был с ним.

В первом случае комитативный показатель является одним из средств образования переходных глаголов (транзитивизатором) и часто имеет также каузативную функцию. При этом наиболее близка к комитативу особая разновидность каузатива, которую М. Сибатани и П. Пардеша называют «социативным каузативом» [Shibatani & Pardeshi 2002] (подробнее см. 5.6.2.3).

3.4. ФОРМАЛЬНО КОМИТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

3.4.1. Комитативные конструкции в узком и в широком смысле

Комитативные конструкции, как и другие языковые знаки, участвуют в отношениях полисемии и синонимии. Одна и та же конструкция может употребляться не только в функции, описанной в Определении КК (2.6), но и в других функциях. Более того, собственно комитативное употребление может не быть для данной КК основным.

Так, по результатам пилотного исследования, собственно комитативные употребления предлога *с* с творительным падежом составляют не более 7% от всех его употреблений в Национальном корпусе русского языка. В то же время, для второго русского комитативного показателя, *вместе с*, комитативная функция является доминирующей.

Комитативными конструкциями в узком смысле (собственно комитативными конструкциями) мы будем называть те, которые отвечают нашему рабочему определению:

используются для референции к множественному участнику, выражая составляющих его ЭУ в разном коммуникативном и синтаксическом ранге.

Комитативные конструкции в широком смысле включают и те, где тот же самый показатель (формально тождественный) используется не в собственно комитативной функции, а в некоторой другой. В этом случае мы будем говорить о формально комитативных конструкциях (ФКК).

Отличия от собственно комитативных употреблений могут быть как структурными, так и семантическими. В большинстве случаев, однако, между различными употреблениями одной конструкции или показателя имеется мотивирующая семантическая связь, что позволяет говорить о полисемии, а не об омонимии конструкций (показателей). Более подробно семантическая сторона вопроса будет рассмотрена в Главе 5.

Необходимо отметить, что нас интересуют любые конструкции и показатели, которые могут использоваться в собственно комитативной функции. При этом комитативная функция может быть для них синхронно основной или второстепенной, исторически первичной или вторичной. Представляют интерес как диахронические источники КК, так и результаты их дальнейшего развития.

3.4.2. Структурные разновидности комитативных конструкций

В этом разделе мы обратимся к формальному аспекту несобственно комитативных употреблений КК и рассмотрим возможные структурные модификации комитативных конструкций, т. е. разновидности структур, в которых могут использоваться комитативные маркеры.

На данный момент мы отвлекаемся от диахронического аспекта и изучаем синхронный «срез» множества формально комитативных конструкций. Вектор диахронического развития (расширения сферы применения конструкций) может в разных случаях вести как от собственно комитативной конструкции к ФКК, так и в обратном направлении; в данном разделе этот аспект не учитывается.

3.4.2.1. Форма представления структуры комитативных конструкций

Для отражения соотношения между планом выражения и планом содержания КК и их структурных разновидностей будут использоваться схемы следующего вида:

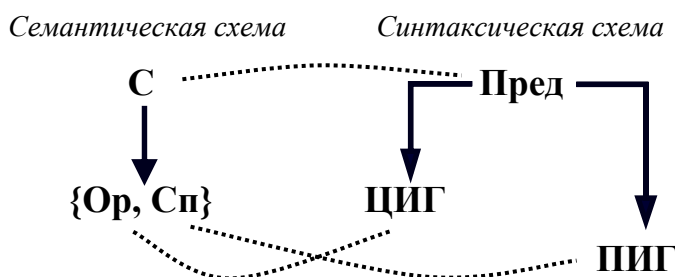

Рис. 7. Общая схема комитативной конструкции

Семантическая и синтаксическая структуры КК отображаются в виде упрощенных деревьев зависимости (см., например, [Мельчук 1974]). Элементы, не входящие в конструкцию, опускаются или заключаются в круглые скобки. Стрелки направлены от вершины к зависимому. По умолчанию стрелки выражают предикатно-аргументные отношения. Другие типы связей (сочинительная, определительная и др.) помечаются специально.

Пунктирные линии соединяют элементы плана выражения с обозначаемыми ими элементами плана содержания. Кроме этого, на схемах конструкций с определенным типом маркирования будет указываться местонахождение комитативного маркера [М].

3.4.2.2. Параметры варьирования структуры комитативных конструкций

Различия между КК в узком смысле и формально комитативными конструкциями могут сводиться к различиям в одном или нескольких параметрах.

Тип формально комитативной конструкции определяется:

- а) набором релевантных элементов плана содержания ({Ситуация, Ориентир, Спутник} или {Ориентир, Спутник});
- б) семантическими связями между этими элементами;
- в) семантическим типом Ориентира и Спутника {ситуация, терм};
- г) набором элементов плана выражения (из множества {Вершина, Центральная группа, Периферийная группа, Маркер [комитатива]¹});
- д) синтаксическими связями между ними;
- е) синтаксическим типом ЦГ и ПГ { ИГ / предикация / прилаг. / наречие};
- ж) набором элементов, несущих комитативный маркер.

Параметры эти не являются полностью независимыми друг от друга, так что, по-видимому, возможных сочетаний существует меньше, чем логических комбинаторных возможностей. Ниже будут перечислены с иллюстрациями основные структурные разновидности КК. Вероятно, путем комбинации названных параметров можно получить и некоторые другие, не упомянутые здесь, но реально существующие виды формально комитативных конструкций.

3.4.3. Конструкции с зависимостным маркированием

КК с зависимостным маркированием демонстрируют самый широкий спектр формальных модификаций. Причем подавляющее большинство из них представлены в русском языке.

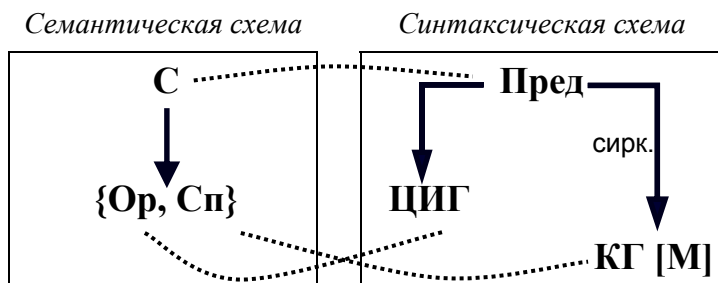

Рис. 8. Исходная схема КК с зависимостным маркированием

(3.56) Петя пришел к нам в гости со своей младшей дочерью².

3.4.3.1. Копредикативная модификация

Очень широко распространенный тип ФКК. Отличается тем, что семантически Спутник состоит к Ориентире в предикативном отношении, т. е. описывает его признак. При этом периферийная ИГ является сирконстантом, как и в собственно КК (подробнее см. 2.5.2.3).

¹ Имеется в виду маркер комитатива, реализованный как дополнительный предикат.

² В типовых примерах комитативная группа выделена полужирным, вершинный предикат отмечается двойным подчеркиванием, центральная ИГ — одинарным.

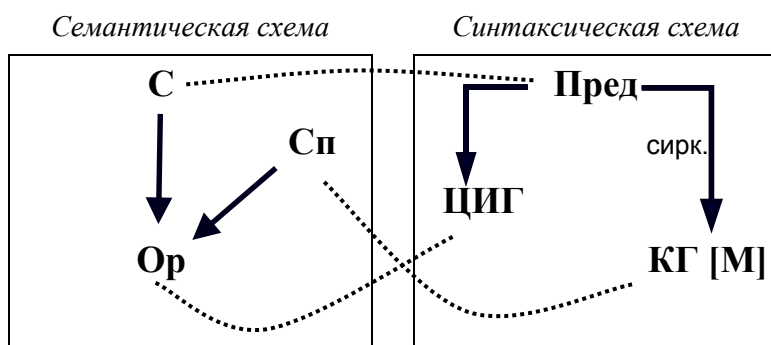

Рис. 9. Копредикативная ФКК

(3.57) Петя пришел к нам в гости с альбомом новых фотографий.

Копредикат семантически является предикатом к одному из участников ситуации (контролеру). Другими словами, копредикат всегда является выражением, ориентированным на участника (participant-oriented), в отличие от типичных обстоятельств (адвербиалов), таких как *быстро, вчера* и т. п., ориентированных на ситуацию (event-oriented). Тем не менее, между адвербиалами и копредикатами в том или ином языке вовсе не всегда можно провести четкую границу.

В лингвистической литературе копредикаты обсуждались в основном на материале нескольких европейских языков. Типологическое исследование этого явления [Schultze-Berndt & Himmelmann 2004] привлекает данные из языков других ареалов, в частности из языков Австралии. В работе формулируется рабочее определение копредикатов, призванное отграничить их от многих сходных явлений: адвербиалов, результативных вторичных предикатов, предикативных дополнений и др.

«Копредикативная конструкция (depictive secondary predicate construction) — это конструкция на уровне элементарного предложения (clause-level), удовлетворяющая следующим критериям:

- i. Она содержит два отдельных предикативных элемента, главный предикат и копредикат (depictive), причем ситуация, выражаемая копредикатом, имеет место во временной рамке ситуации, выраженной главным предикатом.
- ii. Копредикат обязательно имеет контролера, т. е. состоит в формальном отношении с одним из партиципантов главного предиката, и это отношение обычно интерпретируется как предикативное (т. е. копредикат является предикатом по отношению к своему контролеру). Контролер отдельно как аргумент копредиката не выражается.
- iii. Предикация, выражаемая копредикатом, по крайней мере частично независима от предикации, выражаемой главным предикатом, т. е. копредикат не образует вместе с главным сложный или перифрастический предикат.
- iv. Копредикат не является аргументом главного предиката, т. е. не является обязательным.
- v. Копредикат не образует составляющей нижнего уровня со своим контролером, т. е. не является его (синтаксическим) модификатором.
- vi. Копредикат не является финитным (имеется в виду: не несет маркеров времени и модальности), или же его зависимость от главного предиката выражается другими формальными средствами.
- vii. Копредикат входит в ту же просодическую единицу, что и главный предикат».

[Schultze-Berndt & Himmelmann 2004: 19–20]

3.4.3.2. Определительная модификация

В этом типе ФКК Спутник также характеризует Ориентир. В отличие от копредикативных ФКК, синтаксически он при этом выражается как ИГ-определение в составе именной группы, а ситуация С и вершинный предикат нерелевантны для конструкции.

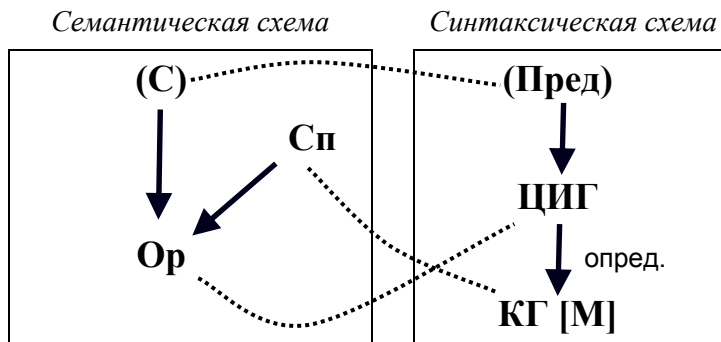

Рис. 10. Определительная ФКК

(3.58) Петя принес нам альбом с новыми фотографиями.

Эта модификация КК менее распространена, чем предыдущая, поскольку в значительном числе языков именные группы в приименной позиции требуют оформления особыми показателями (атрибутивизаторами), что обычно (но не всегда) исключает появление комитативного маркера.

В некоторых языках собственно приименное использование КГ невозможно. В таких случаях функция определения реализуется с помощью относительного предложения, которое само содержит ФКК **предикативного** типа (см. 3.4.3.3):

тамилский < ДРАВИДИЙСКИЕ

[Asher 1985: (530), 113]

(3.59) ve||a veeʃti-yooʃe irunta manuʃan
 [белый набедренная.повязка-СОМ быть:PST.PART.REL] человек
 человек в белой набедренной повязке [= бывший с повязкой]

Как расширение определительной ФКК можно рассматривать употребления, в которых комитативная группа является модификатором не именной группы, а другого модификатора — (группы) прилагательного или наречия. Комитативная группа при этом может содержать ИГ или выражение того же типа, что и центральное выражение (прилагательное, наречие).

(3.60) Волосы, черные с синеватым отливом, грубые и блестящие, как конский волос, туго заплетены и свернуты на затылке.

[корп.: Хазанов]

ПРИЛ + ИГ

[собс.]

(3.61) Петя достал с полки синий с белым альбом.

ПРИЛ + ПРИЛ

Подробнее о семантике определительных ФКК см. 0.

3.4.3.3. Предикативная модификация

Периферийная ИГ выступает в роли предиката (именного сказуемого); такая структура может требовать или нет финитного глагола-связки.

Предикативное употребление комитативной группы является одним из распространенных типов предикативного выражения обладания (*predicative possession*) [Stassen 2001: 955–956]. Однако семантическое наполнение этих ФКК может быть не только посессивным; подробнее см. 5.4.

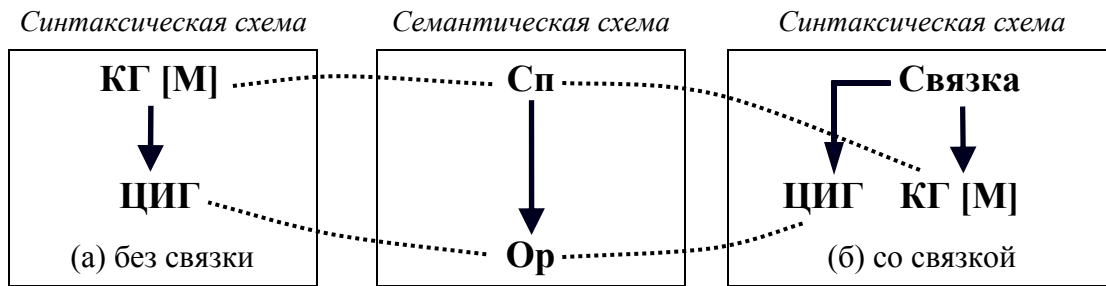

Рис. 11. Предикативная ФКК

монгольский < МОНГОЛЬСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ

[Цэдэндамба 1978: 17 сн. 1]

(3.62) би ном-той

1SG книга-СОМ

*У меня есть книга [= Я с книгой].*ПРЕДИКАТИВ
БЕЗ СВЯЗКИ

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[корп.: Домбровский]

(3.63) Финка была самодельная, красивая, с инкрустациями,
и он очень ею дорожил.ПРЕДИКАТИВ
СО СВЯЗКОЙ

санго < УБАНГИ < НИГЕР-КОНГО

[Stassen 2001: (7), 956 < Samarin 1967: 95]

(3.64) lo eke na bongo

3SG быть СОМ одежда

*У него/нее есть одежда [= Он(а) с одеждой].*ПРЕДИКАТИВ
СО СВЯЗКОЙ

3.4.3.4. Сентенциальная модификация

В этой модификации Ориентир и Спутник принадлежат не к классу участников, а к классу ситуаций, и выражаются предикатами. При этом противопоставлены они обычно по коммуникативным характеристикам: ситуация-Спутник используется в дискурсе как фон для ситуации-Ориентира.

Такая структура характерна для ФКК с транскатегориальными показателями, присоединяющимися к предикату-вершине зависимого предложения (сентенциального сирконстанта). Другими словами, это стандартная модификация для КК с сентенциальным маркированием.

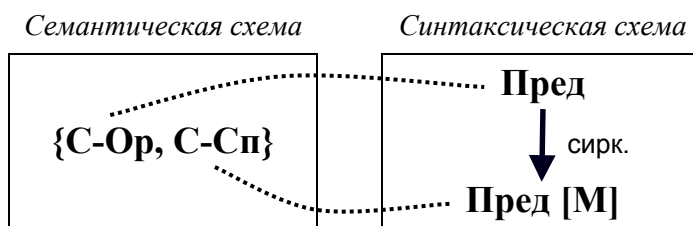

Рис. 12. Сентенциальная ФКК

багвалинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ <
СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Кибрик (ред.) 2001: (5.243, 5.244а), 588–9]

(3.65) s'e-bali, sajid-i-r naq'ira qa-rā-X-da-lēna, L'e-rā-X ek'a

гость-PL [Саид-OBL-ERG гармошка играть-IPF-CONV-DA-COM] танцевать-IPF-CONV СОМ

Гости, пока Саид играет на гармошке, танцуют.

(3.66) maḤammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna rasul-i-r že-rā-X ek'a
 [Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV СОР
 (Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

3.4.3.5. Актантная модификация (при симметричных предикатах)

Комитативные конструкции в узком смысле служат для референции ко множественному участнику. Аналогичным образом ФКК могут использоваться при симметричных предикатах, т. е. тех, которые обязательно требуют наличия МНУ (более детальное обсуждение симметричных предикатов и смежных явлений содержится в разделах 4.4, 5.5).

Отличие данных употреблений комитатива от КК в узком смысле состоит в том, что, при прочих равных условиях, комитативная группа не может быть опущена, если центральная ИГ обозначает единичного участника. Очевидно, что ФКК как один из стандартных способов реализации множественной семантической валентности симметричных предикатов должна быть описана в их модели управления. Таким образом, КГ в данном случае является синтаксическим актантом предиката, в отличие от КК в узком смысле, где она является сирконстантом¹.

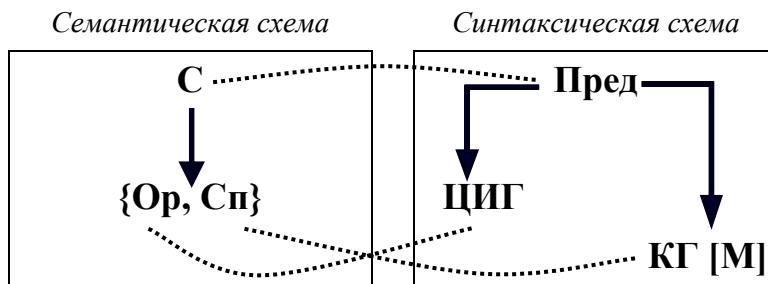

Рис. 13. Актантная ФКК при симметричных предикатах

(3.67) Петя познакомился с Машей в прошлом году.

Каковы основания для отнесения данной разновидности КК к **формально** комитативным? Иными словами, почему нельзя считать КК при симметричных предикатах собственно комитативными конструкциями?

Действительно, эти КК на первый взгляд отвечают принятому в Главе 1 определению: Ориентир и Спутник имеют одну и ту же семантическую роль, но различные синтаксические ранги. Однако имеются (пока в основном косвенные) свидетельства того, что в некоторых языках сфера применения КК на симметричные предикаты не распространяется или в прошлом не распространялась. Так, например, в агульском языке (< СЕВЕРНО-КАВКАЗСКИЕ) комитативный показатель *-qaj* употребляется в основном с глаголами движения и, реже, с глаголами совместной деятельности; затем следует «первый этап грамматикализации — распространение сочетаемости на симметричные предикаты» [Мерданова & Плунгян 2000].

Имеются также свидетельства того, что в некоторых языках множественный аргумент при реципрокальных глаголах (подклассе симметричных) может быть выражен в пределах одной клаузы только с помощью одной множественной ИГ (см. 4.4.5).

Наоборот, зачастую для симметричных предикатов используются средства, нехарактерные для собственно КК. Так, в китайском языке помимо комитативных показателей *dēn* ‘следовать/СОМ’ и *hé* ‘СОМ’ существует предикат/предлог *tóng* ‘быть одинаковым/СОМ’, который в предложном употреблении обозначает только актанты симметричных предикатов, но не образует собственно КК:

¹ Это утверждение не касается КК с вершинным маркированием, где КГ исходно является актантом.

китайский < КИТАЙСКИЕ < СИНО-ТИБЕТСКИЕ

[Hagège 1975: (9347), 70; КРС 1990]

(3.68) yú píngcháng bù-tóng

к обычный NEG-БЫТЬ.ОДИНАКОВЫМ/СОМ

ПРЕДИКАТ

(Это) не то же самое, что обычно.

(3.69) tā tóng wǒ yīyàng

3 СОМ 1 одинаковый

СИММ. АКТ.

Мы с ним одинаковые.

Симметричным предикатам вообще свойственно разнообразие доступных моделей управления (как для различных употреблений одного предиката, так и между различными симметричными предикатами данного языка). Одни способы выражения МНУ подчеркивают симметричность элементарных участников (напр., множественная ИГ: *война между Англией и Францией*, в меньшей степени ФКК: *война с Францией*), другие выводят на первый план семантику их ролей (*война против Франции*).

Таким образом, можно сделать вывод, что КК как средство референции к множественному участнику не всегда присуще симметричными предикатам, но часто «заимствуется» ими у глаголов движения/позиции. Однако, в отличие от последних, МНУ симметричных предикатов носит обязательно множественный характер. Эта обязательность находит свое продолжение в дальнейшей грамматикализации КК: ее распространении на предикаты, производные от симметричных.

Комитатив при предикатах, производных от симметричных

На примере русского языка можно видеть, что симметричные предикаты могут иметь несимметричные употребления (ср. (3.70)-b, (3.71)), в которых сохраняется оформление актантов с помощью КК, хотя роли участников различаются. Центральная ИГ соответствует Агенсу (говорящему), а КГ — Адресату, в соответствии с семантикой предиката ('приветствовать друг друга' > 'приветствовать').

(3.70) а. Они тепло поздоровались друг с другом.

б. Я с ним поздоровался, а он со мной нет.

(3.71) Я с тобой больше не дружу!

Другой возможный случай показан в (3.72). Если в предыдущем примере мы наблюдали утрату компонента взаимности при сохранении таксономического класса участников, то в (3.72)-а Спутник принадлежит уже к другому классу, чем Ориентир.

(3.72) а. Вася неустанно борется с несправедливостью.

б. *Несправедливость неустанно борется с Васей.

И в этом случае производный предикат наследует способ выражения актантов несмотря на изменения в семантике. Новая ситуация принципиально не может рассматриваться как симметричная, отсюда невозможность (3.72)-б. Как кажется, именно под влиянием подобных употреблений за комитативной группой могла закрепиться ролевая семантика, близкая к пациентивной (см. (3.73)).

3.4.3.6. Аргументные модификации (при несимметричных предикатах)

Одной из важнейших структурных разновидностей ФКК можно назвать ту, в которой Спутник, выраженный комитативной группой, получает собственную ролевую семантику как самостоятельный участник ситуации, независимый от Ориентира. (Таким образом Ориентир может быть вообще исключен из рассмотрения).

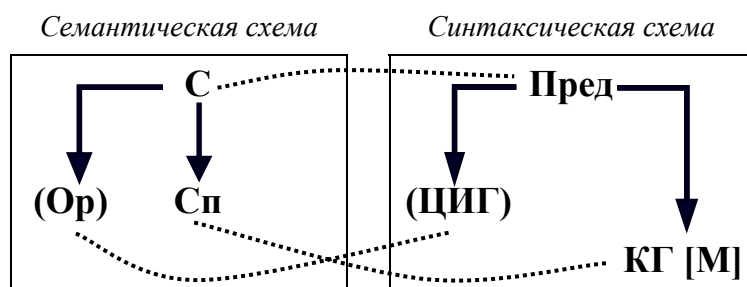

Рис. 14. Аргументная ФКК при несимметричных предикатах

При этом в одних употреблениях КГ может быть однозначно признана семантическим актантами вершинного предиката, в других — однозначно сирконстантом, относительно третьих решение будет зависеть от принимаемого теоретического подхода к вопросу об актантах и сирконстантах.

В русском языке к первым относятся, например, КГ, выражающие при определенных группах предикатов обязательных участников, роль которых обычно близка к Пациенсу (3.73) или к Теме (3.74).

(3.73) Что с **ним** случилось?

(3.74) С **бензином** у нас перебои.

Несомненно сирконстантные употребления ФКК включают, например, обстоятельства времени (3.75) и образа действия (3.76).

(3.75) ...Баг с **последним ударом колокола** ступил на влажные плиты террасы. (Х. ван Зайчик)

(3.76) Он посмотрел на нас с **недоверием**.

В последних двух примерах Спутник принадлежит к классу ситуаций, но, в отличие от сентенциальных ФКК, выражается именной группой (т. е., в большинстве случаев, номинализацией). Благодаря этому может создаваться иллюзия, что конструкция не отличается от собственно комитативной. Очевидно, однако, что подлежащее не является в данном случае Ориентиром для комитативной группы: они не имеют одинаковой семантической роли.

Актантные и сирконстантные модификации ФКК отличаются большим семантическим разнообразием. Подробнее об их семантических типах см. 5.5.3.

3.4.3.7. Отступление: вопрос об актантах и сирконстантах

Со времени введения этих терминов Люсьеном Теньером [Tesnière 1959] их понимание в лингвистической теории претерпело серьезные уточнения и изменения. В то же время, вскрытые в последнее время проблемы не нашли пока общепризнанного решения, и вопрос о том, на каких основаниях целесообразнее проводить границу между актантами и сирконстантами, остается открытым.

Важным противопоставлением является оппозиция семантических и синтаксических актантами и сирконстантов.

Семантические актантами соответствуют семантическим валентностям предиката и, в общем случае, переменным в его толковании (тогда как сирконстанты в толковании не учитываются). В отношениях между семантическими и синтаксическими актантами различаются несколько случаев, например:

(1) Одному семантическому актантами соответствует обязательный синтаксический актантами. Ср. *Вася дал Пете «Лексическую семантику»*: три семантических актанта (Агенс, Пациенс и Реципиент) выражены соответствующими ИГ.

(2) Семантический актант в толковании имеет фиксированное (не переменное) заполнение и не имеет поверхностного выражения, за исключением ограниченного круга контекстов — так наз. инкорпорированный актант. Ср. **увидеть глазами vs. *увидеть невооруженным глазом*.

(3) Семантический актант в толковании соответствует факультативному синтаксическому актанту. Так, у глагола писать выделяется по меньшей мере шесть валентностей: Агенс (кто), Пациенс (что), Адресат (кому), Инструмент (чем: напр., кисточкой), Средство (чем: напр., краской) и Место (на чём). Однако в большинстве случаев поверхностно реализуются только некоторые из них, напр. «*Лексическую семантику*» написал *Апресян*, *Петя* написал краской на заборе очень длинное слово, и т. п.

(4) Синтаксический актант предиката не соответствует никакому семантическому. Ср. «пустое подлежащее» при безличных глаголах: англ. *It rains* ‘Идет дождь’, букв. ‘Оно дождит’; франц. *Il faut le faire* ‘Нужно это сделать’.

Между синтаксическими и семантическими актантами могут возникать и более сложные отношения (расщепление, склеивание валентностей и др.).

За последние годы были накоплены языковые факты, требующие пересмотра многих положений относительно актантов и сирконстантов (см., например, [Падучева 1998, 2004; Плунгян & Рахилина 1990, 1998; Храковский 1998]). Рабочая точка зрения, которую я принимаю для целей настоящего исследования, состоит в следующем.

- Граница между актантами и сирконстантами не является четко установленной.
- И актанты, и сирконстанты могут быть как обязательными, так и факультативными.
- И актанты, и сирконстанты могут участвовать в диатезных преобразованиях.
- Различие между актантами и сирконстантами сводится, скорее всего, не к их обязательности, а к их выделенности, причем выделение затрагивает участников из числа обязательных. Участник является выделенным, «если толкование не может быть составлено без его упоминания» [Падучева 1998: 89].

3.4.3.8. Сочинительная модификация

Широко распространены в языках мира сочинительные КК — формально комитативные конструкции, которые, несмотря на косвенное морфологическое маркирование периферийной ИГ (характерное для несимметричных отношений синтаксической зависимости), синтаксически проявляют, полностью или частично, свойства сочинительных конструкций (синтаксически симметричных).

Например, русские сочинительные комитативные конструкции (3.77) отличаются от собственно комитативных согласованием предикатной вершины «по сумме» центральной и периферийной ИГ, обязательным контактным расположением двух ИГ, невозможностью выноса одной из ИГ (ср. **Петя уехали с женой в Прагу; *{Петя с кем / Кто с женой} уехали в Прагу?*).

Одним из возможных средств достижения симметрии является дублирование комитативного маркера на центральной ИГ (в таблице — [M]).

Подробнее о сочинительных КК см. § 4.2.

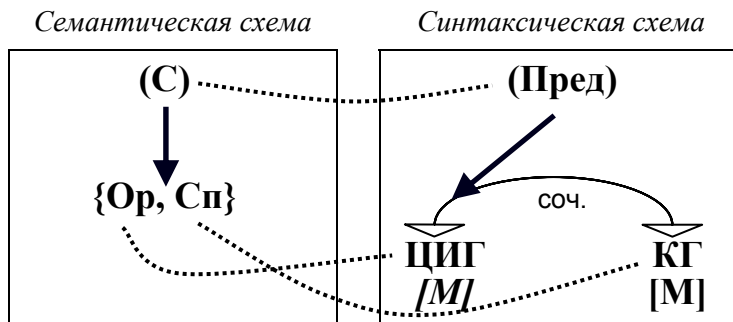

Рис. 15. Актантная ФКК при симметричных предикатах

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

(3.77) **Петя с женой** уехали в Прагу.

японский < АЛТАЙСКИЕ

[Stassen 2000: (126), 32 < Kuno 1973: 112]

(3.78) **John to Mary to Tom to** ga kita

Джон СОМ Мэри СОМ Том СОМ SUBJ приходить

Пришли Джон, Мэри и Том.

3.4.4. Конструкции с дополнительной предикацией

В КК с дополнительной предикацией маркер комитатива является сам по себе предикатом, который может подчиняться смысловому предикату или подчинять его. Центральная и периферийная ИГ фактически являются актантами предиката-маркера комитатива.

китайский < КИТАЙСКИЕ < СИНО-ТИБЕТСКИЕ

[Hagège 1975: (2107), 319]

(3.79) **Jin Gui** biàn **gēn** **Yu Feng** **zǒu** le

Цзинь Гуй тогда [следовать/СОМ Юй Фэн] уходить ASP

СЕРИАЛИЗАЦИЯ

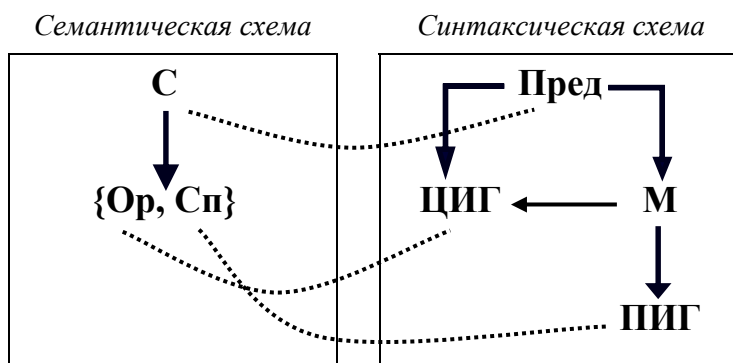
Тогда Цзинь Гуй ушел с Юй Фэн.

Рис. 16. Исходная схема КК с дополнительной предикацией (подчиненная предикация / сериализация)

ительменский < ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ

[Володин 1976: (29), 161]

(3.80) **кэмма** **әнна** **т-ч'еуль-чен** **к'оль-ки**

1SG [3SG 1SG.A-быть.с-3SG.P] приходить-CONV

ПОДЧИНЯЮЩАЯ
ПРЕДИКАЦИЯ*Я пришел с ним.*

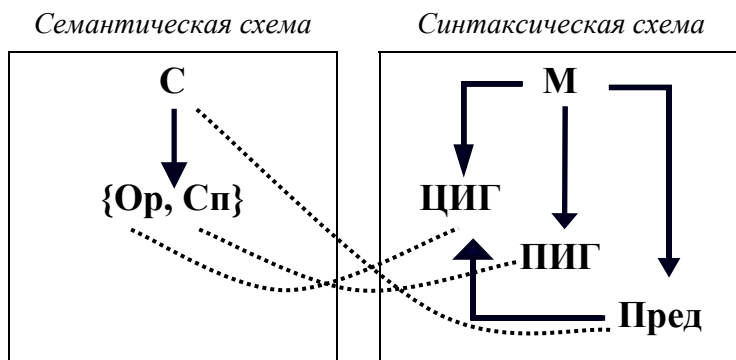

Рис. 17. Исходная схема КК с дополнительной предикацией (подчиняющая предикация)

У конструкций с дополнительной предикацией по определению имеются формально комитативные употребления, в которых показатель комитатива выступает как самостоятельный предикат:

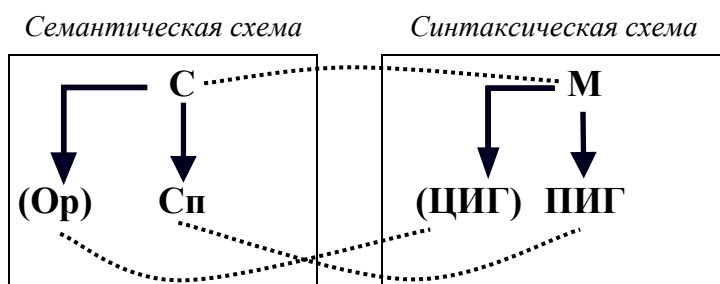

Рис. 18. ФКК с предикативным употреблением комитативного маркера

китайский < КИТАЙСКИЕ < СИНО-ТИБЕТСКИЕ

[Li & Thompson 1981: (32b), 364]

(3.81) jǐngchá gēn-le tā sān tiān le
 полиция СЛЕДОВАТЬ-РФ 3 три день ASP

Полиция преследовала его три дня.

Наряду с самостоятельным употреблением комитативного маркера-предиката КК с дополнительной предикацией могут располагать тем же набором модификаций, что и КК с зависимым маркированием, включая сочинительные.

3.4.5. Конструкции с вершинным маркированием

В КК-ях с вершинным маркированием КГ исходно является *актантом* того же предиката, что и ЦИГ:

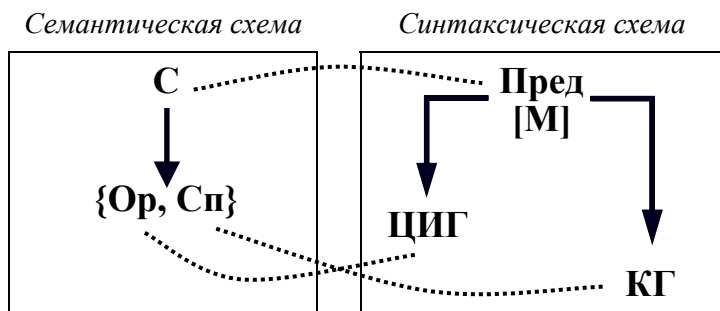

Рис. 19. Исходная схема КК с вершинным маркированием

абазинский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ

[Табулова 1976: 188–189]

(3.82) б-хІы-цы-гІ-гапІ

2SG.F.NOM-1PL.DAT-COM-1PL.ERG-везти

Мы тебя (жен.) повезем с собой.

Многие формально комитативные употребления КК с вершинным маркированием имеют такую же структуру, наполняя ее другой семантикой (например, семантикой каузации). Эти семантические модификации будут рассмотрены в Главе 5.

3.4.5.1. Естественно множественные ФКК

Глагольные маркеры комитатива могут употребляться для обозначения естественно множественных ситуаций, например взаимных (подробнее см. 4.4). Кроме того, в африканских и австралийских языках зависимостные показатели комитатива, присоединяясь к глаголу, нередко выражают различные видо-временные значения.

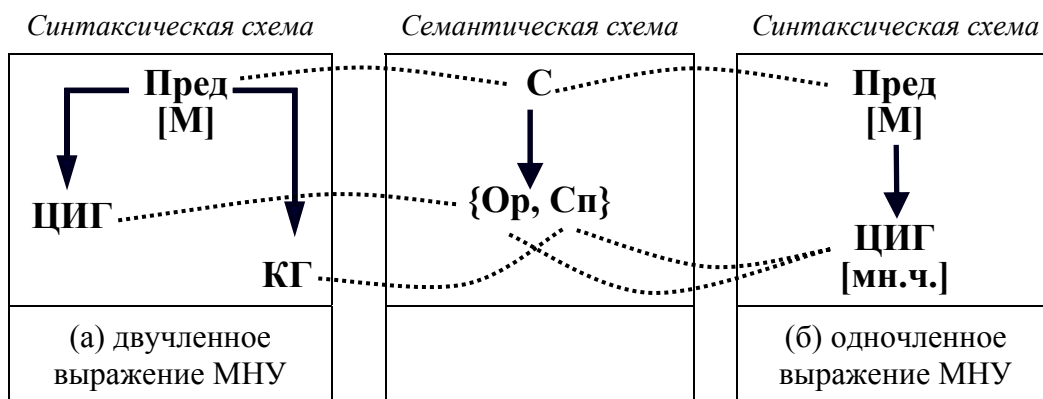

Рис. 20. Естественно множественная ФКК

киньяруанда < БАНТУ < НИГЕР-КОНГО

[Maslova 2000: (20a), 8 < Coupez 1985: 15]

(3.83) -kurèba umugabo > kurèb<an>a

смотреть человек > смотреть<COM/REC>

РЕЦИПРОК

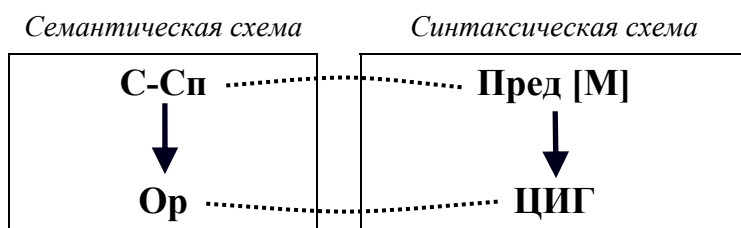
смотреть на человека > смотреть друг на друга

Рис. 21. Аспектуальная ФКК

бака < УБАНГИ < НИГЕР-КОНГО

[Heine & Kuteva 2002: 83 < Kilian-Hatz 1992: 29]

(3.84) wó tɛ na jo dandù

3PL COM INF есть мёд

ПРОГРЕССИВ

Они едят мёд [= Они с поеданием мёда].

3.4.5.2. Двойное вершинно-зависимостное маркирование

Примечательно, что вершинный маркер реципрока или другого типа естественно множественных ситуаций может использоваться в сочетании с комитативной стратегией референции к множественному участнику (4.4.5). Бывает так, что маркеры комитатива

и реципрока при этом совпадают (см. 4.4.6), что дает сочетание вершинного и зависимостного комитативного маркеров, каждый из которых при этом выполняет свою функцию.

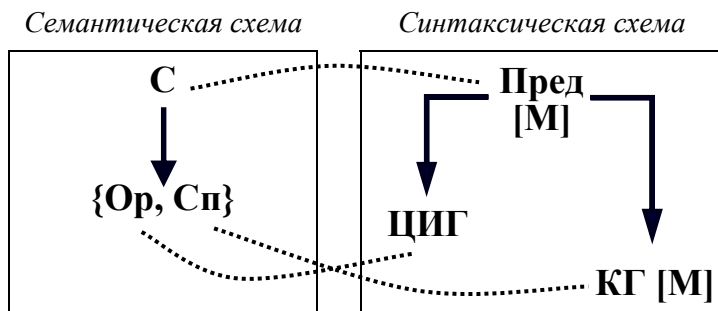

Рис. 22. ФКК с двойным вершинно-зависимостным маркированием

венда < БАНТУ < НИГЕР-КОНГО

[Maslova 2000: (31) < Poulos 1990:440]

(3.85) musidzana u khou rw<an>a na mutukana РАЗРЫВНЫЙ МНУ
 девочка 3SG PRS.CONT бить<REC> СОМ мальчик РЕЦИПРОК

Девочка с мальчиком бьют друг друга [= Девочка бьет друг друга с мальчиком].

3.4.6. Прочие конструкции

За отсутствием материала мы не будем рассматривать здесь конструкции со «слитным» маркированием (инкорпорацией), хотя сделать некоторые предположения об их структурных модификациях было бы возможно. Например, вполне вероятно, что КК с инкорпорацией могла бы выступать также в копредикативной функции (ср. пример из тиви (3.37)).

Что же касается КК с сентенциальным маркированием, то они отличаются тем, что сентенциальная ФКК (3.66) для них является стандартной (так сказать, «входит в комплект поставки»). В остальном для них характерно то же поведение, что и для КК с зависимостным маркированием.

3.5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе мы рассмотрели структуру комитативных конструкций. Были выделены образующие элементы КК в плане содержания (участник-Ориентир, участник-Спутник, Ситуация) и в плане выражения (центральная и периферийная ИГ, предикатная вершина, маркер комитатива). Описаны основные структурные параметры варьирования комитативных конструкций: локус маркирования комитатива, ограничения на синтаксическую функцию центральной и периферийной ИГ.

Были охарактеризованы основные стратегии маркирования комитатива: неморфологическое (КК с дополнительной предикацией) и морфологическое (КК с зависимостным и вершинным маркированием). Обсуждены диахронические связи между различными типами маркирования.

Раздел 3.4 был посвящен возможным структурным модификациям комитативных конструкций. Семантика формально комитативных конструкций будет рассмотрена в Главе 5.